

Когда запоют мертвецы

Автор:

[Уна Харт](#)

Когда запоют мертвецы

Уна Харт

Universum. Магический реализм Уны Харт

Исландия, XVII век.

Юный семинарист Эйрик Магнуссон жаждет овладеть ведовством: управлять мертвыми, наводить мороки и подчинять бесов. А еще – помогать простым людям. Есть только одна трудность – Эйрику предстоит стать священником. Как совместить пасторские обязанности с магией и не попасть при этом на костер?

Девушка по имени Диса в маленькой рыбацкой деревушке приручает морское чудовище и узнает страшный секрет, который ломает ее жизнь. Она тоже мечтает о приключениях и колдовстве. Значит, им суждено встретиться.

История основана на фольклорных текстах о преподобном Эйрике Магнуссоне – реальном историческом персонаже, священнике и чернокнижнике.

Уна Харт

Когда запоют мертвецы

© Харт У., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Мое имя – Эйрик Магнуссон. Я старший сын законника Магнуса Эйрикссона и его жены Гудрун Йоунсдоттир. Моего прадеда Йоуна Арасона, последнего католического епископа Исландии, казнили вместе с двумя его сыновьями. Палач опускал топор на его шею семь раз – на камнях Скаульхольта до сих пор чернеет кровь моих предков.

Я был вторым ребенком у моей матери и первым, кто остался при ней. Мою старшую сестру Агнес похитили турецкие пираты за десять лет до моего рождения. До самой своей смерти мать ждала, что к берегу причалит корабль, который вернет ей Агнес. Когда на свет появился я, матушка верила, что теперь нашей семье улыбнется удача, потому что в тот же год в родные земли вернулась выкупленная из рабства Гудда-Турчанка – спустя десять лет заточения.

Матушка со мной не нежничала. Когда я был маленьким, в часы вечерних бдений[1 - В исландском языке существует специальное слово для вечернего времени, когда полагалось рассказывать сказки или истории – kv?ldvaka. Во время kv?ldvaka часто чесали овечью шерсть, поэтому и продолжительность kv?ldvaka измерялась «овчинами». В начале осени, когда дни еще длинные, kv?ldvaka длилась «одну овчину», по мере того как дни становились короче, количество овчин росло, в самые темные сезоны доходя до трех овчин. (Здесь и далее – прим. автора.)] у очага, вычесывая шерсть, она рассказывала мне страшные сказки. С молодых ногтей я впитывал истории о детях, которых утаскивали под землю голодные драуги, об утонувших, проклятых, разбившихся насмерть или разорванных троллями малышах... Они всегда погибали или исчезали бесследно, как моя сестра. Мне же хотелось послушать историю, в которой ребенок бы вырос, отправился на поиски приключений и – в виде исключения – выжил. Но матушка верила, что так она ограждает меня от опасности: ведь если меня хорошенько напугать, я не стану совать нос куда не следует. Или же она готовила себя к тому, что однажды я тоже пропаду. Мать любила меня и боялась этой любви, которая сожрала бы ее до косточки, случись со мной что-то ужасное.

Когда родился мой младший брат, Паудль, родители вздохнули с облегчением. Паудль рос сообразительным и разумным, любил читать, аккуратно носил одежду и никогда не убегал к реке, где мог бы утонуть. Он хотел стать законником, как наш отец – человек тихий и суеверный. Все думали, что я унаследую от него тягу к текстам и чувство справедливости. Что ж, можно сказать, так оно и случилось, хотя совсем иначе, нежели все предполагали...

Глава 1. 1653 год

Скаульхольт

Магнус сильно мерз зимой, а потому спал посередине между Эйриком и Боуги. Вообще-то на школьной кровати полагалось лежать по двое, но друзья всегда устраивались втроем, как повелось с самого первого их года в Скаульхольте. Прошлый сосед Магнуса так пинался и сопел, словно делал это нарочно, лишь бы получить лежанку в свое полное владение.

Их кровать стояла в самом углу дормитория, под окном, затянутым овечьей кожей. Свет сквозь него проникал только в полнолуние, а в остальное время спальню тускло освещали лампы и тлеющий в печи торф. В ясные же лунные ночи или тогда, когда небо Скаульхолта подсвечивалось северным сиянием, мальчишки могли видеть лица друг друга во сне: обкусанные губы, взлохмаченные, припорошенные пылью волосы и обветренные щеки.

Боуги, самый коренастый и плотный из всей троицы, обычно ложился у стены. Он любил шутить, что Магнусу, тощему и высокому, тоже не помешало бы поднакопить жирку, чтобы лучше согреться. А вот Эйрик всегда спал на краю. Хоть временами он и расплачивался за это падением на земляной пол, все же

никогда не соглашался поменяться местами с Магнусом и Боуги. Да и приземлялся Эйрик на четыре лапы, как кошка, а спал чутко, словно лесная мышь. А еще он не ощущал холода – до самых крепких заморозков ходил в одной рубашке, словно под кожей у него тлели угли.

В тот день на ужин давали сушеную треску и сильно разбавленное пиво. От скудной кормежки голод никуда не девался, оттого и сон не шел. Мальчишки привычно устроились на кровати и тихо переговаривались, тесно сдвинув лица. Вот только обсуждали они вовсе не сегодняшнюю проповедь. В такие вечера не привлекали их ни латынь, ни греческий, ни какие-либо другие знания, которыми так тщательно учителя набивали им головы. Совсем иные истории будоражили юные умы... Вот лишь несколько минут назад они отчетливо различили шаги по стылой земле прямо за дверью. Невидимый гость обошел их дом, ступая так грузно, что друзья затаили дыхание. Стоило шагам стихнуть, как они бросились спорить, кто мог бродить за стенами dormitorio.

Боуги, который из всей троицы прочнее всех стоял на земле, заверял друзей, что никакого колдовства тут нет. Должно быть, кто-то из учителей решил проветриться после того, как за ужином налегал на пиво, или, может, служанка вышла вылить помой с кухни.

– Если служанка или учитель, чего же ты нос в одеяло спрятал? – прошипел Магнус.

Сам Магнус был уверен, что под окном прошел не кто иной, как Йоун Арасон, последний католический епископ, казненный сотню лет назад именно здесь, в Скаульхольте. Никто бы не удивился, если бы Йоун Арасон вернулся с того света. Наверняка он не может расстаться со своей церковью и теперь бродит вокруг и ждет, когда исландцы вновь обратятся в веру предков...

Но Боуги на это только посмеивался:

– С чего бы ему здесь бродить? Всем известно, что Йоуна Арасона выкопали и увезли на самый север, в Хоулар, и кости его теперь тлеют там. Крепкие же у него ноги, раз такой путь проделал! Эй, Эйрик, а ты что думаешь?

Эйрик молчал, вглядываясь в мутное окно. На узкой кровати места было мало, и он едва помещался на краю, но не замечал этого, глубоко погруженный в свои

мысли. Боуги слегка подтолкнул его локтем:

– Что скажешь, дружище? Уж тебе-то виднее.

Действительно, случись опальному епископу вернуться из мира мертвых, к кому бы он пришел, если не к правнуку? Но вот в чем дело: Эйрик знал, что вовсе не Арасон бродит под окном. Совсем другой покойник занимал в эту ночь его разум.

Несколько дней назад у пастора, что вел хозяйство на усадьбе при церкви, Эйрик подслушал одну любопытнейшую историю и с тех пор потерял покой. Речь в ней шла о колдуне, которого погребли вместе с его гримуаром. История эта так потрясла парня, что несколько раз мертвец из рассказа пастора даже являлся к нему во сне и пытался прочесть свои римы, но выходили они дурные и сразу вылетали из головы, стоило Эйрику проснуться. Теперь стало ясно, что это не мертвец хочет ему что-то сказать – да и с чего бы, они даже не были знакомы! – а сам Эйрик тянется к тому ценному, что покойник унес с собой в могилу и с чем, по слухам, не расставался ни днем ни ночью. То, ради чего Эйрик охотно рискнул бы своей шкурой. Это желание жгло его кожу, будоражило по ночам, не давало сосредоточиться на занятиях... Он размышлял, стоит ли посвящать друзей в свою затею, и наконец решил, что умолчать будет нечестно.

Перевернувшись на правый бок и подперев голову рукой, он уставился на Магнуса с Боуги. Вид он при этом принял довольный и загадочный.

– Много лет назад на местном кладбище похоронили одного старика из Бискупстунги...

Лица Магнуса и Боуги поскучнели. Кому интересно слушать про какого-то старика, когда тут целый католический епископ, да к тому же обезглавленный? Но Эйрика это не смутило.

– Слухи о старике ходили самые разные. Жил он один, не имел ни жены, ни детей. Говорят, за всю жизнь было у него только две ценности: корова... и книга.

Перед «и книга» Эйрик сделал такую таинственную паузу, какую только сумел. Кажется, это сработало, потому что Боуги и Магнус перестали закатывать глаза и стали слушать внимательнее.

– Когда старик заболел, он пожелал быть похороненным в церковном дворе Скаульхольта. Взамен пообещал местному священнику землю и хутор, но поставил еще одно условие: что в могилу он унесет с собой книгу. Ну, и корову.

Мальчишки прыснули в одеяло, зажав себе рты ладонями, чтобы не разбудить других школяров. Эйрик со снисходительной улыбкой дождался, пока веселье стихнет. Сам он тоже от души посмеялся, когда слушал историю впервые, но сейчас всем видом показывал, что главная в ней все-таки не корова.

– Большой, должно быть, гроб пришлось сколотить, – заметил Боуги.

– Думаю, корову положили рядом, – возразил Магнус. – Так что там за книга?

Эйрик еще раз улыбнулся, на этот раз хищно и резко.

– А ты как думаешь? – ответил он и сам вдруг испугался своего голоса – низкого, незнакомого, голодного.

Друзья лежали, умолкнув, обдумывая каждый свое. Какому мальчишке в пятнадцать лет не хочется обрести настоящую силу? Ту самую, которую не получить и с сотней молитв, которая не придет ни с греческим, ни с латынью... Хотя все они готовились однажды принять сан и стать пасторами, бывали в их жизни искушения, с которыми сложно было бороться. С тех пор, как их языки однажды обожгли волшебные слова, избегать греха становилось все труднее.

Первым не выдержал Магнус:

– Что ты предлагаешь?

Оба догадывались, чего хотел Эйрик, но сама мысль об этом наводила трепет. Он прикрыл глаза и тихо, но отчетливо произнес:

– Хочу поднять его из могилы и забрать книгу.

Сквозняк ворвался в dormitorio сквозь щель в окне. Магнус натужно закашлялся, и Боуги заботливо подоткнул ему одеяло. Эйрик отстраненно подумал, что надо бы завтра попросить служанок принести Магнусу отвар из

можжевельника, чтобы смягчить кашель.

– Чтобы кого-то поднять, нужно знать все заклинания, – заметил Боуги. – Я их, скажем, не знаю.

– Я вас научу, – решительно заявил Эйрик.

Вряд ли это их успокоило. Ошибка в единственном звуке могла стоить всем троим жизни, а ошибиться, стоя у могилы с поднявшимся покойником, ох как легко. Так стоит ли рисковать ради книги неизвестного старика?

Неожиданно на Эйрика обрушилась сонливость, да такая, словно он не спал несколько дней. Веки набрякли, голова стала склоняться к подушке. Казалось, поведав Боуги и Магнусу о своей затее, он снял с плеч невидимый груз. Они могли отказаться, могли даже пожаловаться учителям, что Эйрик замыслил большой грех. (Впрочем, нет, не могли. Эйрик хорошо знал своих друзей: даже если они струсят, мешать ему не будут.) Он улегся на подушку и натянул шерстяное одеяло до самых ушей, прислушиваясь к возне соседей.

– А кто научил тебя самого? – тихо и с легким укором спросил Магнус.

Эйрик сделал вид, что спит. Его учителя не желали быть названными.

* * *

Скаульхольт представлял собой целый мир – суетливый, разноголосый и вечно куда-то спешащий. Город был огромен: тут жили сотни людей, и после него собственные хутора казались юношам крохотными и невзрачными. А в Скаульхольте домики из дерна ютились друг к другу. Одни были совсем небольшими, с единственной общей комнатой – бадстовой, а другие, покрепче и побогаче, могли похвастаться отдельной кухней и двором, обнесенным каменной оградой. Летом крыши землянок покрывались сочной зеленью, и весь город выглядел нарядно и празднично. Епископ следил, чтобы дома чинили вовремя, и потому от города так и веяло благополучием и спокойствием. Над приземистыми строениями возвышалась бревенчатая церковь с колокольной – детище епископа Бриньюльва Свейнссона, которым он гордился не меньше, чем своей коллекцией текстов «Старшей Эдды» или Codex Regius.

Знатные исландские семьи отправляли своих отпрысков на обучение в семинарию, когда тем исполнялось пятнадцать-шестнадцать зим. Там мальчики становились юношами, осваивая латынь, греческий, историю и богословие. Спустя пять лет, подросшие и возмужавшие, они возвращались в родные места. Большинство занимали должности младших пасторов, но некоторые шли по стопам отцов и становились чиновниками.

Эйрик, Боуги и Магнус начали учебу одновременно в прошлом году. Из троих Эйрик был самым младшим, ему еще и шестнадцати не было. Скаульхольт быстро стал им домом. Мальчишки любили школу, но отнюдь не за те ценные знания, что учителя вколачивали им в головы на уроках. Важнее всего друг для друга были они сами. Первая настоящая дружба – как первая любовь: если и не остается с тобой на всю жизнь, то все равно никогда не забывается.

Семинария занимала множество помещений, связанных друг с другом крытыми тоннелями. Ученики и священники могли переходить из одного в другое, не выходя на улицу. Учебные классы начинались прямо за дверью дормитория, а чтобы попасть в трапезную, требовалось пройти по длинному коридору мимо зала, где завтракала и ужинала семья епископа, и располагались кладовки с молоком, сыром и кислой сывороткой. Кормили школяров дважды в день, как дома: в полдень и после вечерней службы. Иногда по воскресеньям давали баранину, но чаще потчевали скиром, кашей, сушеной рыбой и сырными лепешками.

Именно в трапезной на следующий день после ночного разговора Эйрик начал учить друзей заговору – гальду. Пасторы ели в другом помещении, так что никто не мог их подслушать или помешать. Откинувшись на стуле и прикрыв глаза, юноша протяжно и медленно читал нужные слова. Он знал заклятия так хорошо, что, если бы его прервали, без труда смог бы начать с нужного места, сколько бы времени ни прошло.

На кладбище решено было отправляться в субботу, когда луна будет в последней четверти. Ночь все еще не заглохнет абсолютная тьма, но различить три крадущиеся фигуры слабым глазам пасторов будет непросто. Эйрик настаивал, что лучше повременить с обрядом, пока Боуги и Магнус не выучат слова назубок, как катехизис перед конфирмацией. Он говорил об этом с такой не свойственной ему серьезностью, что друзьям оставалось только согласиться. Никому не хотелось, чтобы их разорвали оживший покойник или его корова.

Так, в школьной трапезной, и началось их обучение. Проходило оно между занятиями, в укромных местах, скрытых от глаз учителей и других школяров. Даже во время богослужений не гимны и не исповедь занимали головы сообщников. Эйрик настаивал, что ведовские слова должны влезть им под кожу, пропитать волосы до самых корней, искусать их языки – так, чтобы ни одного звука не потерялось даже в минуты самого сильного страха. Трое друзей повторяли их снова и снова: и раздеваясь, и лежа на узкой кровати, слишком тесной для них, и засыпая, и просыпаясь.

Магнусу ученичество давалось проще. Руны и гальдраставы он резал аккуратнее, не упуская ни единой черточки. Память у него работала лучше, а ум был более склонен к ведовству, нежели у медлительного и основательного Боуги. Тот запоминал гальды с трудом, зато они никогда не вылетали у него из головы. Он чем-то напоминал дерево с упрямой жесткой корой: вырезать на ней что-то непросто, зато надпись не сойдет и через столетие.

Эйрик был терпеливым учителем: поправлял, напоминал, мягко возвращал друзей к их задумке, стоило им отвлечься. Условие он поставил лишь одно: Боуги и Магнус должны отдаваться обучению без остатка, как некогда он сам. Поднять покойника – не шутки. Это не приворот и не наведение морока. Если что-то пойдет не так, всем конец.

К субботе похолодало. Ночью Магнус трясся и стучал зубами. Чтобы другу было теплее, Эйрик с Боуги укрыли его вторым шерстяным одеялом и перетащили жаровню поближе к кровати. Засыпая, Магнус продолжал бормотать ведовские слова, и во сне они снова и снова воскресали у него на губах.

В октябре светает поздно. По утрам служанки приходили будить юношей, подсвечивая себе дорогу фитилями, смазанными ворванью. Эти маленькие, дрожащие на сквозняках огоньки подсказывали семинаристам, что пора собираться на утреннюю молитву. Сами служанки вставали еще раньше, так что вид сонных, лохматых парней, из последних сил цепляющихся за свои одеяла, приводил их в веселое расположение духа. Одна из девушек, смущаясь, протянула Магнусу вязаные варежки. Последние дни его душил кашель, и Эйрика это настораживало. Он беспокоился не столько о здоровье друга – на Магнуса каждую зиму нападала такая хворь, – сколько о том, сумеет ли он не сбиться на заговоре.

Магнус принял подарок с благодарностью. Под штаны он надел теплые чулки, а на голову натянул шапку. Эйрик же красовался в плаще с металлическими пуговицами и кожаных перчатках, над чем Боуги посмеивался. Все знали, что господин епископ Бриньоульв Свейнссон такой роскоши не одобряет и выговора за щегольство не избежать. Но Эйрик учился прилежно, языки и арифметику схватывал на лету, и голос у него, когда он пел гимны, звучал, как у ангела, а потому ему многое сходило с рук.

Целый день молодые люди места себе не находили, их мучило предчувствие – сладкое и одновременно пугающее. А когда с наступлением сумерек колокол позвал их к началу вечерни, волнение стало невыносимым.

В сумерках церковь выростала на холме величественной громадой, возвышаясь над остальными постройками Скаульхольта, как тролль над людьми. Всякий раз, как Эйрик приближался к ней, он испытывал необъяснимый трепет, почти страх от того, насколько она огромна. Бриньоульв Свейнссон пестовал церковь, как родное дитя. Еще в первый свой год на посту епископа он взялся за снос старого обветшавшего здания и строительство нового. Строительство закончилось лишь четыре года назад. Внутри церкви все еще сильно пахло елью – нигде еще Эйрик не встречал таких хороших бревен, как здесь. В Исландии почти не росло лесов: на растопку пускали мох или сушеные водоросли, и большой удачей считалось найти на берегу выброшенные на берег коряги. Древесину же для строительства доставляли морем, и стоила она целое состояние. Боуги, сын бонда, унаследовавший предприимчивость отца, как-то пытался подсчитать, во сколько епископу обошлась постройка, и цифры вышли невероятно большие.

Толстые бревна надежно защищали прихожан от холода и ветра. Будь сейчас дневное богослужение, Эйрик рассматривал бы игру солнца в оконных витражах, любясь редкими цветными пятнами в серой жизни. Вечером же оставалось лишь прикрыть глаза и петь.

От статной фигуры епископа веяло основательностью, она выделялась среди хрупких министрантов, преклонивших колени перед алтарной оградой. Бриньоульв Свейнссон был не столько тучным, сколько, что называется, мощным. У него были крупные руки и ноги, рыжая, не желающая сесть борода и кустистые подвижные брови. Он много смеялся, и смех его рождался где-то в животе, клокотал и пенился, как крепкое пиво. Если же епископ был в мрачном расположении духа, от него словно во все стороны расползались тучи.

Перед проповедью Бриньоульв Свейнссон долго молчал, что было для него необычно. Он любил начинать сразу, едва стихнет последняя нота «Кирие». Когда же он наконец заговорил, Боуги бросил на Эйрика встревоженный взгляд.

Речь зашла о колдовстве. Проповеди епископа обычно отличались живостью и силой. Его глубокий зычный голос, как хищная птица, летал над головами прихожан, готовый выклевывать всякий грех. Теперь же было видно, что епископа что-то тревожит. Как выяснилось, он хотел поделиться вестями из деревни Киркьюболь, находившейся далеко на севере. Тамошний пастор полгода назад своими глазами узрел дьявола на хуторе одной благочестивой – как всем до того казалось – семьи. Вскоре родственники пастора стали страдать от злых чар. Сам он спасался молитвой, хоть и его настигла хворь. Виновных – отца и сына, в чьем доме были обнаружены ведовские книги, посохи, да еще «пердящие руны» (Боуги не удержался и тихо фыркнул в кулак, выдав смех за кашель), – приговорили к сожжению на костре.

«К сожжению...» Эти слова Бриньоульв Свейнссон повторил несколько раз, словно хотел, чтобы искры пламени задели каждого из прихожан. «Дьявол принимает разные обличья, – веско произнес епископ, переводя взгляд с одного лица на другое. – Искушение может быть велико, особенно для тех, кто верит в собственную неуязвимость». Его взгляд задержался на Эйрике, который слушал с видом внимательным и серьезным, чинно сложив на коленях руки в перчатках.

Когда пришло время исповедаться, Боуги сидел, опустив глаза, словно боялся чем-то себя выдать. Он всегда тревожился перед исповедью, даже когда из всех грехов мог назвать лишь нечистые мысли да отсутствие прилежания в учебе. Впрочем, в перечисления он особо не вдавался, предпочитая выбрать какой-нибудь один, не самый тяжкий грех и живописать его во всех подробностях. А вот Магнус обычно исповедовался сухо и коротко, так что могло показаться, будто он перечисляет свои грехи без тени раскаяния. Даже Эйрик, ближайший его друг, не мог сказать, что происходит у него в голове в эти минуты.

Из всех троих сам Эйрик больше всех любил каяться и всегда втайне предвкушал этот момент. «Я, бедный грешник, признаю себя виновным перед Богом во всех грехах. Я жил так, как будто Бог не имеет значения, и как будто я важнее всего»... Он и правда так жил. Иногда вовсе не ощущал Бога рядом с собой – а временами чувствовал Его так явственно, словно Спаситель сам стоял за его плечом и направлял его руку.

Когда пришла очередь Эйрика преклонить колени перед епископом, Магнус коротко сжал пальцы друга и улыбнулся ему. От риз Бриньоульва Свейнссона пахло пылью и табаком, а рука, опустившаяся на голову юноши, оказалась неожиданно тяжелой, как каменная плита. Эйрик прижался щекой к жестким коленям. Он был тщеславен и заносчив – и епископ знал это. Он был легкомысленным и падким на лесть – епископ знал и это. Всякий раз на исповеди Эйрик чувствовал, как с каждым словом его тело становится все легче и легче. Он рассказывал ровно то, чем хотел поделиться и что действительно тяготило его душу. Конечно, о той самой затее он умолчал. При этом Эйрик вовсе не считал, что лжет. Просто к чему говорить о том, чего еще не сделал?

Закончив исповедь, он выдохнул с невероятным облегчением и взглянул в глаза епископу. Бриньоульв Свейнссон хмурился и жевал губы. Не похоже было, чтобы он злился, но что-то явно его тяготило.

– Это все твои грехи, дитя мое? – прогудел епископ, и рука его зависла над головой Эйрика, словно не решаясь опуститься вновь. Эйрик моргнул. Может, он и впрямь что-то упустил? Он поведал Бриньоульву Свейнссону о своей гневливости, зависти, лени и гордыне... О чем еще он мог рассказать?

– Это все, что я сумел вспомнить, господин епископ, – горячо заверил его Эйрик.

Бриньоульв Свейнссон смотрел на него долгим сумрачным взглядом, как будто рассчитывал, что Эйрик передумает, но тот глядел снизу вверх ясно и твердо. Епископ хорошо знал каждого из своих школяров – пожалуй, лучше, чем их собственные учителя. Эйрик не врал – по крайней мере, в понимании самого Эйрика, – и давить на него было бесполезно. Бриньоульв Свейнссон отпустил мальчишке грехи. Что, в конце концов, ему оставалось?

...Сразу после вечерни Эйрик догнал друзей у трапезной и бросил им одно лишь слово. То, от которого перехватывало дыхание и сердце начинало колотиться чаще.

Сегодня.

* * *

Прежде чем устроиться под одеялом, Магнус подновил чернилами свои ставы: малый круг защиты и тот, что понадобится для вызова призраков. Работал он быстро и ловко даже при слабом свете очага. Эйрик каждый раз восхищался тем, какие тонкие и аккуратные у Магнуса получаются линии. Защиту тот начертил пером прямо у себя на внешней стороне ладони, а второй став изобразил на клочке кожи, который спрятал под пятку башмака. Затем выпил принесенный Боуги можжевелевый отвар, чтобы в решающую минуту кашель не сбил его с нужных слов.

– Мы правда хотим это сделать? – шепнул Боуги на ухо Эйрику, когда тот расстегивал пуговицы кофты и аккуратно складывал ее рядом с кроватью на стул. Боуги старался выглядеть собранным и не выдать своего волнения. Он не был трусом, но отличался большой осторожностью, когда дело касалось колдовства. Иногда у Эйрика появлялось неприятное предчувствие, что однажды Боуги станет одним из тех пасторов, которые на радость датчанам обыскивают дома собственных прихожан в поисках колдовских посохов и гримуаров... Он встряхнул головой. Дурно подозревать друга в подобных вещах! Словно для того, чтобы загладить вину, Эйрик положил руку Боуги на круглое плотное плечо и слегка сжал.

– Ты всегда можешь остаться тут, если хочешь. И ты, Магнус, тоже, слышишь?

– Я не хочу, – смутился Боуги. – Но и подвести вас, парни, боюсь. Я же вижу, что я в этом не так ловок.

– Ловкость тут ни при чем, – возразил Магнус, отводя руку в сторону, чтобы лучше рассмотреть рисунок. – Каждый может ошибиться, и нам следует быть к этому готовыми. Я могу закашляться, ты – растеряться, а Эйрик...

Взгляд его глаз, необычно темных для такого светлокожего юноши, остановился на лице друга, как будто Магнус не мог решить, заканчивать ли ему фразу или позволить ей повиснуть в воздухе.

– А Эйрика ничто не остановит, даже если из-под земли выпрыгнет сам дьявол, – ворчливо закончил Боуги.

Ночью Магнус так и не сомкнул глаз. Эйрик видел, как он, повернув голову, рассматривает тлеющий торф в очаге. Лицо у него при этом было задумчивым и

спокойным. Тишину разбавляли лишь слабое покашливание и возня. Как только луна выглянула из-за плотных туч, все трое бесшумно вынырнули из-под одеял, натянули штаны и, накинув поверх рубах теплые плащи, скользнули за дверь.

Мальчишки старались действовать быстро и без суеты. В предыдущие ночи они уже тренировались прокрадываться из дормитория так, чтобы не потревожить ни других школяров, ни учителей, чьи комнаты соседствовали с их собственными. Боуги захватил глиняную лампу с китовым жиром, привезенную его отцом из Дании. Парни взяли из печи уголек и от него подожгли фитиль.

Дорога до захоронения предстояла непростая – нужно было в полной темноте подняться на холм с церковью. Большую часть пути можно было проделать по вымощенным камнем коридорам усадебного хозяйства. Пришлось только красться на цыпочках мимо комнаты учителей, которые засиделись допоздна, нюхая табак и читая друг другу вслух. Узкий проход вел оттуда в сторону помещения для мужской прислуги, из приоткрытых дверей которого тянуло теплом. Топили там навозом, а не торфом, так что Боуги брезгливо зажал нос и ускорил шаг. Из-за холода и страха быть пойманными приходилось спешить, а невозможность обменяться шутками и тычками нагнетала тревожность.

Лунный свет заливал небольшую площадку перед усадьбой, а церковь на холме будто плыла над землей, как пиратский корабль по темной воде. В таком освещении она показалась Эйрику пугающей – чудовищем, готовым наброситься в любой миг, словно белый медведь, чью льдину случайно прибило к берегу. Боуги подергал его за рукав и кивнул в сторону дома епископа, где за застекленными окнами все еще мелькали теплый свет и тени.

Мерзлая земля хрустела под ногами, а шквальный ветер у подножия холма сбивал с ног. Помогая друг другу, молодые люди наконец достигли своей цели. Перед ними скалилось церковное кладбище. Одному Богу было известно, сколько поколений исландцев лежали в этой холодной недружественной земле, что уравнивала всех: и бондов, и пасторов, и батраков. Несколько сотен щербатых камней с неровными краями смотрели на школяров, как мертвое войско в ожидании приказа. Боуги решительно двинулся вперед через кладбищенские ворота, поводя плечами, словно разминался перед борьбой.

Никто из них не знал, где лежит старик из Бискупстунги. Шататься днем среди могил было рискованно – слишком много внимания можно привлечь. Оставалось искать нужное захоронение в темноте. Сейчас, в окружении могил, Эйрику остро

захотелось повернуть назад – залезть под одеяло, спрятаться в спасительной теплой темноте спальни и дожидаться, пока служанки придут будить к утренней молитве.

День за днем они готовились в тому, что произойдет: учили слова, решали, кто что станет делать, когда драуг нападет, и к какому часу нужно вернуться в спальню, если ничего не выйдет. Но одно дело готовиться, и совсем другое – стоять здесь на холоде в одних только плащах, накинутых поверх рубах, со слабым утешением в виде глиняной лампы с китовым жиром.

Пока что кладбище казалось скорее скучным, чем опасным, а сама затея выглядела сущей глупостью. Может, от этого парни и мялись. Магнус с Эйриком бросали друг на друга вопросительные взгляды, ожидая, кто начнет первым. Боуги решительно прочистил горло и пошел между памятниками, стараясь не споткнуться. Он обогнул несколько свежих могил и указал пальцем в сторону холма:

– Чем ближе к церкви, тем старше захоронения. На краю нам делать нечего, здешние могилы вырыты недавно. Плохо, что мы совсем не знаем, когда этот твой старик умер.

Эйрик промолчал. Он действительно не знал о мертвом колдуне ничего, кроме того, что уже рассказал друзьям, и ему было совестно. Боуги остановился у одного из камней и, отчистив рукавом надпись, попытался ее прочесть, склоняя голову то так, то эдак. Не сумев разобрать букв, парень поднес лампу ближе. Прыгающий огонек фитиля помог слабо, промозглый ночной воздух принес мокрую крошку, а туча затянула лунный бок.

– Нужно попробовать хоть с кем-нибудь! – предложил Магнус, чью хрупкую фигуру качало от ветра. – Может, если не найдем с первого раза, спросим, где лежит этот дед!

Предложение было разумным. Начать ведь всегда труднее всего. Эйрик обошел несколько могил, пытаясь разобрать надписи и годы жизни. Он выбрал одну наугад, хотя пытался притвориться, что сделал это с каким-то умыслом.

Стоя у каменной плиты, Эйрик как никогда ощущал, насколько туманные и скомканые у него представления о том, что делать дальше. Боуги похлопал

друга по спине широкой теплой ладонью. Его пальцы остановились на воротнике Эйрика и в одно мгновение сдернули с него сначала плащ, а затем вытряхнули из шерстяной кофты, оставив в одной только рубашке.

– Не получится – вернемся в спальню и дело с концом, – сурово заметил он, передавая одежду Эйрика Магнусу, чтобы тот мог набросить ее сверху. – Хватит тут торчать. Начинай.

Эйрику стало холодно. Это было непривычное и неприятное чувство: он не замерзал почти никогда. Перед тем, как идти на кладбище, Боуги спрашивал, почему обязательно нужно поднимать мертвецов. Не проще ли взять заступ и раскопать нужную могилу? Первоначально они отказались от этой идеи, потому что какой же пятнадцатилетний юноша захочет работать заступом, если можно одним заклинанием воскресить покойника. Но теперь стало понятно, что, согласись они с этой идеей, пришлось бы перекопать целое кладбище, чтобы найти нужного мертвеца.

Стараясь казаться уверенным, Эйрик подошел к могиле и успел сделать глубокий вдох, прежде чем его прервал резкий окрик Магнуса:

– Не надо!

Эйрик раздраженно обернулся. Он только настроился! Но Магнус, стуча зубами, кутаясь в два плаща, упрямо помотал головой и ткнул дрожащим пальцем в камень.

– Тут лежит семья, не стоит их тревожить. Мать и двое дочерей. Попробуй соседнюю.

Эйрик бросил еще один взгляд на могилу, силясь прочесть надгробную надпись, но без толку. Магнус не мог видеть в темноте лучше, чем Боуги или он сам, а значит, ему удалось почувствовать, кто закопан в этом месте. Если, конечно, парню не примерещилось – но как сейчас узнать? Они договорились доверять друг другу, и Эйрик покорно подошел к соседней могиле.

Гальд летел с его губ, теряясь в ветре, почти неслышный из-за завываний. Сотню раз Эйрик читал его, сидя на берегу озера, и тогда слова чудились ему внушительными, налитыми той удивительной силой, которую не понять

простому человеку. Сейчас же голос его звучал слабо и жалко, а сам заговор был короток и пуст. Эйрик быстро закончил, облизнул обветренные губы и перевел взгляд на своих друзей, которые терпеливо стояли рядом и смотрели на землю. Первым очнулся Боуги:

– Сколько времени должно пройти, прежде чем мертвец нас услышит?

Эйрик пожал плечами.

– Кто знает, как идет время в царстве божьем, – задумчиво откликнулся Магнус, ковыряя сухую траву носком ботинка.

– Давайте попробуем еще пару могил, – предложил Боуги. – Кто-нибудь да отзовется. У нас на хуторе к одной вдове почти год ходил друг, все требовал, чтобы она наливала ему аквавит, ну и там всякое... Говорят, чуть ребенка ей не сделал. Хорошо, пастор его урезонил.

Боуги достал из кармана мешочек с табаком и с наслаждением втянул понюшку, от души чихнув. Ветер стих, как напуганная овца при виде пастуха.

Так они прошли с десятков могил, избегая тех, где значились женские имена, и тех, которые запрещал трогать Магнус. Он стал заметно прихрамывать на ту ногу, в ботинок которой спрятал став, а на вопрос Эйрика ответил, что кусочек кожи и вправду жжет, как уголек, и жар этот распространяется от пятки до самого колена. «Зато согреешься», – жизнерадостно хмыкнул Боуги.

Едва они перестали суетиться и начали двигаться последовательно от одного захоронения к другому, неудачи стали переноситься легче. Ночь перевалила за половину, и никто из юношей уже не рассчитывал на успех. Это их не особенно расстраивало. Хотя, будь Эйрик один, он непременно вышел бы из себя. К чему вся эта наука, раз он не сумел сдвинуть ни единой мертвой косточки с места!

Каждый из парней успел прочитать свой гальд по несколько раз. Магнус выговаривал нужные слова нараспев, прикрыв глаза и покачиваясь. Губы его дрожали, но он ни разу не сбился. Боуги перед тем, как декламировать заклинание, широко расставлял ноги, словно ожидал, что колдовство собьет его на землю, будто качка на корабле, и выкрикивал слова задиристо и громко. Но сейчас и он устал, и сидел у могилы, степенно жуя табак. Магнус же

пританцовывал на левой ноге, а затем снял ботинок и достал из него смятый промокший пергамент со ставом. Проверил, не прожжен ли чулок. От предложения потрогать кожу («Она еще горячая, вот, щупайте!») друзья вежливо отказались.

Наконец Эйрик сделал несколько понюшек, соблазнившись табаком Боуги, вернул себе кофту и плащ, и парни двинулись в обратный путь. Ветер на сей раз не завывал, но слабо шуршал в низкой траве, как мыши, спасающиеся от вулканической лавы. Свободные от своей таинственной ноши, юноши двигались веселыми перебежками, перепрыгивая через низкие камни и отплясывая на дорожках между могилами, чтобы согреться. Со стороны могло показаться, что в глубине души все были даже рады, что их затея провалилась.

- Стойте-ка...

Магнус обронил это так тихо, что Эйрик с Боуги успели пройти вперед на несколько шагов, прежде чем обнаружили, что их друга нет рядом. Магнус застыл недалеко от их самой первой могилы. Он щурился, глядя куда-то в сторону, а затем нерешительно двинулся к захоронению.

Эйрик и сам ощутил нечто странное. Уже некоторое время его тревожил шуршащий звук, источник которого в темноте он не мог обнаружить. Спина Магнуса маячила перед его глазами. Подобно флагу, белел воротник нижней рубашки, торчащий из-за плаща.

Когда Магнус остановился, Эйрик и Боуги едва не врезались в него. Они вернулись к тому месту, где Эйрик прочел свой первый гальд. Только теперь могила была уже не пуста. Земля, поросшая сухой травой, разорвалась, как старое одеяло, и вскопалась у изголовья. В могиле сидел до пояса зарытый в почву покойник. Перепутать было невозможно: несчастный был мертв достаточно давно, чтобы все мясо слезло с костей, обнажая серый череп с остатками волос. Руки скелета чинно покоились у него на коленях поверх травы. Покойник не проявил никакого интереса к подошедшим парням. Казалось, его вытянули из земли на веревках – только колыхались на ветру редкие лохмотья. Первым подал голос Боуги:

- А где его гроб?

Эйрик деловито обошел мертвеца сзади, хмыкая и потирая подбородок. Он старался держаться так, словно каждый день наблюдал восставших покойников, но и сам понимал, что выглядит это как бравада. Всем троим было страшно. Не так страшно, конечно, как если бы скелет выскочил на них из-под земли, но достаточно, чтобы держаться подальше от нового знакомого.

– Похоже, он пробил его лбом, – заметил Боуги, хмурясь и указывая на щепки, застрявшие в комьях земли. Ему было жалко покореженную древесину, пускай даже старую и истлевшую.

Несколько раз обойдя восставшего покойника, троица убедилась, что скелет им не отвечает и вылезать окончательно не намерен. Возможно, так бы и обошлось одним-единственным высунувшимся покойником, но не тут-то было. Кладбище ожило и зашевелилось, земля пришла в движение, разбуженная и возмущенная. Юноши заметили еще несколько «сдвоенных» памятников: сидящие рядом со своими плитами покойники со стороны выглядели как вторые надгробия, в темноте неотличимые от каменных. Сердца Магнуса, Боуги и Эйрика трепыхались где-то в кишках, как выброшенные на лед рыбы, а кожа напиталась страхом. Каждый из них подумал, что, будь он здесь один, давно бы дал деру и неся до усадьбы так, что только пятки бы сверкали.

Рядом с ногой Эйрика земля пошла длинным разрезом, как живот овцы, по которому провели ножом. Только вместо внутренностей сухая трава обнажила черную промерзлую землю. Парни замороженно глядели, как щель медленно расширяется, как внутрь проваливаются крупные комья земли и сыпаются мелкие камушки. Земля шуршала – этот звук они слышали на пути к кладбищенской ограде, только принимали его за ветер. В глубине показалась грязная крышка гроба. Две сколоченные доски раздвинулись в стороны, и парни невольно склонились над могилой, чтобы разглядеть содержимое ящика. Боуги вытянул руку с зажженной лампой, чей фитиль уже почти прогорел, и теплый свет вытянул из темноты очертания тела.

Этот труп еще не сделался скелетом и не лишился мяса на лице. В нос парням ударил запах гниения. Магнус прикрыл нос своим ставом – пробыв у него под пяткой целый вечер, тот мог посоревноваться с ароматом из могилы. Стоило парню поднять став выше, как покойник неожиданно сел – так резко, что троица отскочила на пару шагов, выставив вперед руки. Отдышавшись, друзья переглянулись. Мертвец остался сидеть у раздвинутой крышки гроба, как старый бонд, ожидающий, что ему нальют аквавит.

– Что мы теперь будем делать? – спросил Боуги, кидая взгляд на Эйрика.

Эйрик резко выдохнул и плотнее запахнул плащ, еще раз оглядевшись. Он насчитал не меньше десятка сидящих тел разной степени разложения. Ветер разносил тревожный запах смерти и старых костей.

– Не похоже, чтобы они были опасны. Нужно найти старика, а эти сами лягут, как рассветет.

«По крайней мере, я на это надеюсь», – подумал он, но вслух не произнес. Эйрика предупреждали, что потревоженные мертвецы могут преследовать его, пока им самим не надоест (а запасы терпения и злости у них безграничны), но теперь уже ничего не поделаешь – лучше подумать об этом позже.

Осторожно ступая, стараясь изо всех сил не дать кладбищу разбушеваться еще сильнее, все трое стали продвигаться к последней могиле. Временами Эйрик уточнял у мертвецов их имена и не знают ли они, где лежит старик из Бискупстунги, но трупы только мотали головами, глядя на друзей опустевшими холодными глазницами. Почти у самой церкви парням неожиданно улыбнулась удача. Один из скелетов вдруг выпростал костлявую руку и, покачнувшись в своей земляной постели, указал пальцем куда-то в сторону.

Все трое повернулись туда и застыли, не поверив своим глазам. Зрелище было страшное и забавное одновременно. На одной из могил стояла высокая костлявая фигура. Ветер трепал серое тряпье, а скелет выглядел таким старым, что удивительно было, как кости еще не рассыпались в труху. Абсолютно гладкий череп выбеливала луна, исчезая в черных ямках глазниц. Но удивительно было даже не то, что мертвец, в отличие от своих соседей, стоял прямехонько, как столб, а то, что за его спиной висился еще один скелет. Мертвая корова была привязана истлевшей веревкой, конец которой старик держал в одной руке. Судя по всему, еще при жизни это была мощная скотина, способная поднять на рога любого недруга. Сейчас эти самые рога были угрожающе выставлены вперед, но голова для таких хрупких позвонков была слишком тяжелой, поэтому безжизненно висела у передних ног. Нос раскололся, и, если не знать, что это корова, можно было принять ее за зверя из преисподней.

Между остальными покойниками юноши ходили без всякой опаски, убедившись, что те не проявляют к ним никакого интереса. Но теперь все трое замерли, прислушиваясь и присматриваясь. В старике из Бискупстунги, в его прямоте и неподвижности было что-то воистину жуткое, отличавшее его от прочих насельников кладбища. Он следил за юношами. Мертвые черные глаза внимательно изучали чужаков, посмеявших пробудить его. В костях чувствовалось напряжение, похожее на то, как борцы разминают мышцы перед поединком.

Магнус дотронулся до рукава Эйрика и указал на что-то. Эйрик уже и сам заметил, что старик одной рукой прижимает к груди книгу. Цепкие пальцы обхватывали превосходно сохранившуюся обложку из выдубленной кожи. Лохмотья трепетали на ветру, приоткрывая лесенку ребер и позвоночник. Не сговариваясь, Магнус и Боуги встали по двум сторонам от трупа. Магнус хотел подойти ближе к корове, но Боуги только цыкнул языком и указал ему на другую сторону. Как же! Такого, как Магнус, эта зверюга, если что, просто снесет и втопчет в грязь.

Эйрику же предстояло самое сложное. При одной мысли во рту появлялся кислый привкус, как от испорченного скира. Он сделал несколько медленных шагов к старику, чутко отслеживая малейшее движение. Мертвый не шелохнулся, но воздух рядом с ним был будто бы суше и горячее, словно рядом с вулканом. От тела ничем не пахло, кроме сырости. Эйрик осторожно дотронулся кончиками пальцев до головы мертвеца. Она была холодной и гладкой, во рту между зубами застряли клочья земли, но внутри никто не копошился. Теперь лицо юноши было так близко к черепу, что ему чудилось сухое дыхание, проникающее сквозь плотно сжатые зубы. Скорее всего, ветер, подумал Эйрик.

Он резко втянул носом воздух, как будто готовился нырять в ледяную воду, схватил обеими руками края книги, рывком подался вперед – и лизнул череп от острого подбородка до самого лба, собирая на язык костную пыль, грязь и еще что-то, о чем знать не хотел. Язык поранился об осколок носа, а на зубах закрипело, но дело было сделано. Эйрик с усилием проглотил всю гадость, оставшуюся во рту, закашлялся и хотел сплюнуть, но вовремя остановился.

Покойник шевельнулся. Он двинул подбородком и слегка наклонил голову вбок, как птица с ветки, присматривающаяся к пробегающей по земле мыши. Эйрик чувствовал, что нужно что-то сказать покойнику, но слова не шли. Они стояли, держась за кожаный переплет книги, как моряки цепляются за мачту, чтобы не

улететь за борт.

Эйрик попытался потянуть, но костяшки сжали книгу в ответ – такой силы не ожидаешь от мертвых пальцев, которые вот-вот грозили рассыпаться в труху.

– Попробуй резко! – посоветовал Магнус со своего места, и Эйрик послушал. Не могли же они вот так стоять часами: живые глаза – в мертвые. Он расставил пошире ноги для устойчивости и изо всех сил дернул на себя книгу, стараясь не повредить хрупкие страницы.

Сперва показалось, что ему просто не удалось хорошенько уцепиться за скользкий переплет. Только ощутив на лице жесткие пальцы, что вдавливались в нежную кожу щек, он запаниковал. Не отпуская книгу, Эйрик падал назад, а скелет продолжал вгрызаться твердыми ногтями в плоть и не то толкал, не то притягивал юношу к себе. По виску побежала теплая вязкая дорожка, мертвые пальцы подбирались к глазам. Эйрик схватился одной рукой за костяное запястье и с силой оттолкнул его, выворачиваясь из хватки. Потеряв равновесие, парень хлопнулся спиной о твердую землю так сильно, что дух выбило и в глазах потемнело.

Кладбище внезапно пришло в движение, земля зашевелилась. Хламида старика взметнулась на ветру, обнажив целиком скелет, а книга в его руках распахнулась. Несшитые страницы разлетелись, как косяк скумбрии, испугнутый тюленями. Эйрик глянул на свою руку, в которой все еще сжимал старый пергамент – один лист ему все-таки удалось ухватить! Он ловко вскочил на ноги и только сейчас заметил, что друзей рядом нет.

Зато покойники, до этого момента равнодушные, теперь столпились вокруг, как старейшины на тинге. По крайней мере, они не нападали, чего нельзя было сказать о дохлой корове. Магнус ползал по кладбищу на животе, быстро подбирая страницы, до которых мог дотянуться, а Эйрик тем временем уворачивался от мертвой скотины. Корова скакала среди надгробных плит, выдирая рогами клочья травы и расшвыривая вокруг мелкие камни. Ее копыта с глухим звуком ударялись о землю. Животное слепо трясло головой, как будто пыталось учуять, а не увидеть жертву.

Отвлечшись, Эйрик и не заметил, как старик подкрался сзади. Колдун из Бискупстунги оказался не таким уж сильным, но очень цепким и точно знал, что

ему нужно: книга. Его кости были повсюду: они царапали, цеплялись, кололи и били... Друг метил в глаза, но Эйрик каждый раз оказывался быстрее. Это было бы не так уж сложно, если бы не странная глухая пустота, которая внезапно окутала их битву. Из воздуха будто кто-то выпил всю влагу, кожу саднило от сухого воздуха. Эйрик стал спотыкаться чаще, а подняться ему было все сложнее. На него навалилась жуткая усталость и тоска, собственные кости словно размякли. Под пятку нырнул камешек, и Эйрик, не удержавшись на ногах, рухнул прямо в раскрытую могилу, больно ударившись о домовину. Перед его лицом поплыли синие предрассветные сумерки, а в следующую секунду над ним нависла жуткая рожа старика из Бискупстунги. Друг забрался на Эйрика, почти невесомый, и лежал не шевелясь, вперив свои черные глазницы в живые глаза парня. На ноги свалилось что-то тяжелое и мокрое. Опустив веки, Эйрик заметил, как земля засыпает нижнюю часть его тела, укрывая. «Я полежу еще совсем чуть-чуть, – подумал он. – Полежу и встану». Открытая могила мерещилась ему уютной теплой пещерой, где можно отдохнуть после сенокоса, вдали от всех. Тело сковала сонливость. Еще бы! Уже рассвет, а они целую ночь провозились с этой дурацкой книгой на холоде...

Эйрик слышал, как кто-то зовет его по имени, но никак не мог заставить себя открыть глаза и сесть. Он был укрыт уже по грудь, и чем плотнее его укутывала земля, тем труднее было пошевелиться. Когда первые горсти земли упали ему на лицо, Эйрик почти не испугался.

Внезапно в грудь ворвался воздух. Холодный и колкий, он вцепился в легкие, разрывая их и пробуждая от колдовского сна. Кто-то кричал над самым ухом, и когда Эйрик открыл глаза, то увидел Магнуса, который тер его лицо, размазывая по нему грязь, а Боуги обеими руками раскапывал ноги, уже полностью укрытые землей.

– Слава богу, ты проснулся! – выдохнул Магнус. – Господи всемогущий, слава Тебе... *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.*

Лица друзей были покрыты ссадинами и царапинами, волосы перепутаны, но серьезных повреждений ни у кого не было. Эйрик с трудом сел, цепляясь за руку Боуги и часто моргая. Что-то больно упиралось ему в бедро и, повернув голову, он увидел отделившийся от скелета череп. Оказалось, что без колдовства мертвые кости не крепче древней ветоши.

Кто-то подошел к изножью могилы, и Эйрик поднял взгляд, ожидая увидеть еще одного покойника. Но на него смотрели жесткие холодные глаза епископа Бриньоульва Свейнссона. Если бы у Эйрика был выбор, он без сомнений предпочел бы вернуться обратно в могилу, в дружественные объятия старика из Бискупстунги.

* * *

Епископ южной Исландии Бриньоульв Свейнссон выпорол Эйрика Магнуссона собственноручно, не дав тому умыться, отдохнуть и переодеться. После бессонной ночи и дурмана холодной могилы парень чувствовал удары розог как будто издалека. Но Эйрик не мог не думать о том, какая честь оказана ему – быть высеченным самим епископом! Наверняка немного школяров, когда-либо проходивших обучение в Скаульхольте, могли таким похвастаться. Впрочем, у них с Бриньоульвом Свейнссоном был общий предок – наверняка Йоун Арасон пустил бы слезу, глядя, как один его потомок терзает другого за то, что последний ненароком поднял из мертвых целое кладбище. Порка была болезненной, но в некоторой степени даже почетной.

Епископ порол с датской методичностью: с оттяжкой, жая в одни и те же места, пока кожа не покроется синяками и не закровит на местах разрывов. Эйрик не мог точно назвать число ударов, предполагал только, что их было между двумя и тремя десятками. Как человек уже в годах, хотя и весьма крепкий, епископ здраво оценивал свои силы: он мог хорошенько отходить только одного школяра, Магнуса и Боуги пришлось передать в руки учителей.

Когда наказание закончилось, Бриньоульв Свейнссон швырнул пук розог в угол и велел Эйрику одеваться. По его лицу невозможно было сказать, доволен ли он полученным результатом или жалеет, что не высек школяра сильнее. Завязывая штаны, Эйрик оглядывался. Он не впервые был в доме епископа, но рассматривать жилище Бриньоульва Свейнссона каждый раз было увлекательно – все равно что изучать цветные стеклышки в витражах в храме. Кажется, что знаешь их уже наизусть, но глаз то и дело зацепится за что-то новое.

В углу бадстовы стоял настоящий деревянный писчий стол – подарок короля, не иначе. В Скаульхольте все знали, что несколько лет назад епископу предлагали место королевского историка в Дании, но тот вежливо отказался, сославшись на то, что пользы от него здесь, в Исландии, будет несравненно больше. Свое слово

Бриньоульв Свейнссон сдержал: он скрупулезно собирал каждый клочок старинных манускриптов, до которых мог дотянуться. Если он не был занят церковными делами, его всегда можно было найти за переводами древних рукописей или перепиской с учеными мужами со всех концов Европы. Эйрику было жаль думать, что бо?льшая часть этих работ отправляется в королевскую библиотеку, вместо того чтобы остаться на земле, которой они принадлежат.

Бриньоульву Свейнссону всегда льстила заинтересованность школяров в его трудах, поэтому он охотно показывал ценные экспонаты своей сокровищницы. Так, однажды Эйрику посчастливилось соприкоснуться с настоящим чудом: сборником саг «Книга с Плоского острова». Епископ умилялся, глядя, как трепетно Эйрик касается страниц из тонкой телячьей кожи, как жадно изучает иллюстрации, на удивление яркие, несмотря на то, что им сотни лет.

Сквозь застекленное окно пробивался слабый утренний свет. Колокол созывал всех на утреннюю молитву. Жена епископа, тихая и приятная Маргрет Халльдоурсдоттир, принесла завтрак и доброжелательно улыбнулась Эйрику, поставив перед ними миски со скиром и маленькие керамические чашечки с травяным настоем, пахнущим тимьяном. Стенки посуды были такими тонкими, что Эйрик каждый раз боялся их сломать, сжав слишком сильно. За время ученичества в Скаульхольте такие настои с травами прочно стали связываться у него с вечерами, проведенными в обществе епископа и его семьи.

Бриньоульв Свейнссон дождался, пока Маргрет выйдет в кухню, плотно задернув за собой занавеску. Все это время он не спускал с Эйрика тяжелый взгляд, словно решал, стоит ли всыпать парню еще или на сегодня с него довольно. Юноша наконец почувствовал, как саднит тело: не только от ударов розог, но и от царапин и синяков, полученных на кладбище. Когда епископ предложил ему сесть, Эйрик отказался, и это Бриньоульву Свейнссону пришлось по душе. Сам он тяжело опустился на стул, сделал большой глоток из чашки и сверкнул глазами на Эйрика, ткнув пальцем тому в живот:

– Доставай.

Эйрик не сразу понял, на что указывал епископ, и, только пошевелившись, ощутил, как кожу колют засунутые под рубашку книжные страницы. Он осторожно извлек их из-под одежды и положил на стол, тщательно разгладив. Пергамент был грязным и сырым. Странно, как за столько лет под землей он не истлел окончательно... Местами в нем зияли дыры, как в старом одеяле, кое-где

чернила смазались и прочесть написанное не было никакой возможности. Все же текст не исчез совсем, хотя символы были Эйрику незнакомы. Листы хранили молчание.

Бриньоульв Свейнссон долго смотрел на страницы волшебной книги, не прикасаясь к ним и ничего не говоря, сдвинув на переносице брови и опустив тяжелые большие кисти рук на стол рядом с пергаментом. Эйрик не смог бы сказать, что выражал взгляд епископа. Тот был одним из самых умных и проницательных людей в стране и прекрасно знал, что нет в Скаульхольте школяра, который не пытался бы овладеть гальдом. Колдовство было повсюду: мальчишки рисовали руны на камешках и клочках кожи, вырезали на рыбьих костях и щепках, использовали их для победы в драке и чтобы скорее овладеть латынью, с помощью гальда привораживали девушек-служанок и вызывали у себя вещие сны... Никто не искал в колдовстве чего-то глубокого, тайного, как Эйрик – так самому Эйрику нравилось думать, – но и особого секрета из своих проказ семинаристы не делали. Да и кто же не мечтает стать вторым епископом Готтскальком Жестоким и написать свою «Красную кожу», чтобы золотые руны засверкали на алом пергаменте!

Впрочем, что-то Эйрику подсказывало, что одно дело – грезить о своих подвигах, хвастаясь перед парнями талантом открывать замки без ключа, и совсем другое – поднять целое кладбище. Епископ постучал пальцами по столу рядом со страницами, затем тяжело вздохнул:

– Скажи мне, Эйрик, о чем была моя вчерашняя проповедь?

– О колдовстве, господин епископ, – без запинки ответил парень. – Вы рассказывали, как на пастора в деревне Киркьюболь два колдуна наслали хворь и их сожгли на костре. Молюсь, чтобы болезнь преподобного прошла, очистившись пламенем.

Бриньоульв Свейнссон поднял на него суровый взгляд. Такой суровый, что даже привычный ко всему Эйрик присмирел. На секунду ему показалось, что он испытывает нечто, схожее с виной, хотя он не мог бы точно сказать, за что именно.

– Она не прошла, – с нажимом произнес епископ. – Пастор и по сей день страдает не меньше, если не больше, чем раньше! Ты помнишь, в чем преподобный

обвинял своих прихожан?

Эйрик прекрасно помнил, какую именно напасть наслали колдуны на пастора, но все равно сделал вид, что задумался.

- Пердящие руны, если мне не изменяет память, господин епископ...

- ПЕРДЯЩИЕ РУНЫ! - взревел Бриньоульв Свейнссен, вскочив со своего места. Он сделал это так внезапно, что Эйрик безотчетно отшатнулся. Голос епископа гремел, как церковный колокол, возвещавший о начале вечерни. Он и сам будто увеличился в размерах, став похожим на тролля, который с горы грозит кулачищами жителям хутора.

- Двух людей сожгли всего-навсего за пердящие руны и кучку мух, которых они якобы наслали на пастора! А теперь подумай, как скоро под твоими пятками вспыхнет огонь, когда кто-нибудь узнает, чем ты занимался на кладбище!

Внезапно стало не до смеха. Даже Эйрик мог почувствовать, когда его остроумие неуместно. Впервые он не нашелся с ответом. Все эти безумные истории о колдунах, которых сжигают живьем на собственном подворье, ничего общего не имели с мирным существованием в Скаульхольте. Ничего похожего не могло произойти и у него дома, где одни и те же семьи поколениями жили бок о бок. Соседи могли недолюбливать друг друга, могли годами не разговаривать, не садиться рядом в церкви, сплетничать и злословить, но Эйрик и вообразить не мог, чтобы дело дошло до обвинения в колдовстве. До костра. До убийства.

Все знали, что в Исландию эту заразу - охоту на ведьм - принесли датчане. Хотя подобные дела до суда доходили крайне редко и были немногочисленны, но так ведь и народу на острове было немного. Теперь решили истребить последних? Эйрика охватила такая злость, что на секунду показалось, что вспыхнет кожа. Он сжал зубы, чтобы не выругаться в присутствии епископа. Бриньоульв Свейнссон вздохнул тяжело и беспокойно, как кит.

- Сегодня же ты возьмешь лошадь и отправишься в Арнарбайли, - медленно произнес он, и Эйрик дернулся. Нет, только не это! Его не могут вот так с позором отослать домой! Возразить он не успел, потому что Бриньоульв Свейнссон поднял руку ладонью вперед, и Эйрик внезапно обнаружил, что не может даже разжать губы. Епископу надоело церемониться.

– Дома ты пробудешь до Дня Всех Святых и будешь сидеть там тихо, как мышь! – Каждое слово Бриньюльв Свейнссон вколачивал в голову Эйрика, точно гвоздь. – За это время мы узнаем, не навлек ли ты беду на Скаульхольт. Я напишу письмо в Арнарбайли вашему пастору, Йоуну Дадасону. Он присмотрит за тобой, но делай все, что он скажет. Скачи без остановок. Увози свою книгу как можно быстрее. Ты ради нее рискнул жизнью – вот и посмотрим, стоила ли она того.

Когда голос епископа отгрохотал в бадстове, внутри будто стало просторнее. Разум Эйрика метался, как мошка вокруг фитиля. Пробыть дома до Дня Всех Святых? А что потом? Что ему сказать родителям?

– Мне можно будет вернуться? – спросил он гораздо тише и менее решительно, чем собирался. Вся уверенность вдруг разом выветрилась.

Бриньюльв Свейнссон не спешил с ответом, но в конце концов сжалился и кивнул:

– Я напишу тебе. Когда ты вернешься, то ни с кем не заговоришь о том, что произошло на кладбище. Я сам буду тебя учить.

Эйрик не поверил собственным ушам. После всего, что он натворил, сам Бриньюльв Свейнссон собирался взяться за него! Значит, епископ увидел в нем нечто особенное – талант, отличавший его от остальных школяров, рвущихся нахвататься всего по верхам, но не готовых постигать глубину вещей. Тщеславие засверкало внутри Эйрика, как начищенный датский риксдалер. Окрыленный, он схватил со стола мятые страницы и побежал к двери, боясь, что епископ передумает и заберет свои слова назад. Уже взявшись за кованую ручку, вдруг замер, осененный внезапной пугающей догадкой.

– Господин епископ, драуг ведь не может увязаться со мной до Арнарбайли? Я же не приведу беду в собственный дом?

Епископ не шелохнулся. Он стоял у окна вполоборота к Эйрику, так что свет резко очерчивал каждую морщинку с одной стороны лица, а вторую половину прятал в тени. «Он похож на Одина», – внезапно подумал Эйрик, и от этой мысли ему стало жарко и тесно в собственном теле. Она была такой кощунственной и

вместе с тем такой ошеломляюще верной, что Эйрик боялся двинуться, чтобы не спугнуть ее.

Бриньюульв Свейнссон медленно повернулся, и иллюзия рассеялась. Теперь это был просто большой немолодой мужчина с уставшими глазами под нависшими веками.

– Об этом, Эйрик, ты должен был подумать до того, как поднимать покойника.

Арнарбайли

Эйрик послушался епископа. Мысль, что друг последует за ним домой, приводила его в такой ужас, что он несколько дней бродил вдоль реки Эльвюсау, не решаясь приблизиться к человеческому жилищу. Он взял с собой достаточно сушеной рыбы, баранины и кислой сыворотки, чтобы продержаться неделю, а то и больше, но ветер становился все безжалостнее. Эйрик разводил костер из сушеных водорослей, прячась за камнями лавового поля, и издали наблюдал за жизнью хутора.

Близился День Всех Святых, и в это время повсюду кипела жизнь. Дома Эйрик всегда любил начало зимы – сытое и праздничное, когда приходило много гостей. Бонды заканчивали забивать скот, и в воздухе висел резкий запах крови. До Эйрика то и дело доносилось жалобное блеянье и тяжелые удары топора, с которыми мясники разделявали туши. Несколько раз он видел нищих, которые направлялись к хутору: в Арнарбайли всегда подавали щедрую милостыню в честь праздника. Один раз, подойдя совсем близко к своей усадьбе, Эйрик увидел маму, и у него от сердца отлегло – он не заметил никаких признаков болезни или несчастья на ее лице. Напротив, вид у Гудрун Йоунсдоттир был цветущий и воинственный как всегда, когда на хуторе было много работы.

Молодой конь Эйрика, Блейк, послушно следовал за хозяином два дня, но, убедившись, что тот не собирается возвращаться к людям, ночью сорвался с привязи и побежал к стойлам. Так Эйрик остался совсем один, уже и сам похожий на злого духа или призрака, отделенного от всеобщего ликования незримой стеной. Всякий раз, когда он, ошалев от одиночества, собирался идти к семье, ему мерещились шаги за спиной или перестук мелких камешков со скал.

Тогда он уговаривал себя подождать еще ночь. Еще одну ветреную октябрьскую ночь.

Временами ему казалось, что старик из Бискупстунги знает о его метаниях. Ему даже не нужно было ничего делать, чтобы сжить Эйрика со свету из мести за вскрытую могилу! Достаточно было появляться тенью за плечом, чтобы обидчик, боясь навлечь горе на близких, больше нигде не нашел приюта. Но время шло, и нужно было что-то решать: скоро и до епископа дойдет, что его школяр не явился домой.

Все закончилось само собой, когда преподобный Йоун Дадасон обнаружил Эйрика недалеко от кладбища, обнесенного оградой из застывшей лавы. Сперва Эйрик принял его за еще одного мертвеца и даже испытал от этого некоторое облегчение – приятно знать, что твои страхи были беспочвенными. Впрочем, когда Эйрик понял, что это лишь пастор, спокойнее ему не стало.

Преподобный Йоун Дадасон умел произвести впечатление. Он был невероятно высоким и худым мужчиной с бледной кожей и прямой спиной. Руки у него были очень длинными, а кисти такими маленькими, что иногда казалось, что вдоль тела болтаются пустые рукава. Пасторская шляпа прятала в тени верхнюю половину лица, так что разглядеть можно было только плотно сжатые сухие губы. Ребенком Эйрик боялся преподобного Йоуна, а тот не делал ничего, чтобы смягчить этот страх. Каждый раз, когда он стучался в двери их дома, чтобы проверить, выучил ли Эйрик катехизис, у того сердце в пятки уходило.

Вот и сейчас, когда Эйрик увидел знакомую высокую фигуру на краю кладбища, он подумал, что рано успокаиваться. Преподобный Йоун терпеливо ждал, пока Эйрик покажется из-за церковной ограды и поприветствует пастора.

– Вижу, молодой Эйрик Магнуссон, что у вас возникла какая-то совершенно особая связь с кладбищами. Если вас беспокоит, что в Арнарбайли недостаточно земли, чтобы вас приютить, не волнуйтесь – я лично подыщу вам местечко недалеко от церкви.

Голос у пастора был сухой и ровный, как жухлая трава под ногами, но от Эйрика не скрылась спрятанная в нем насмешка. Он понятия не имел, какую часть из произошедшего епископ рассказал преподобному Йоуну, и не знал, как пастор Арнарбайли может ему помочь, но решил отдаться на милость божью.

Скрываться дальше было бессмысленно.

Дома Эйрика встретили радостно, хотя и с тревогой – почему он вдруг приехал из школы? На помощь пришел преподобный Йоун, который пояснил, что лично написал епископу с просьбой прислать к нему Эйрика на праздничную службу. В конце концов, через несколько лет он станет младшим пастором, и было бы неплохо, если бы он уже сейчас осваивался в этой роли. Сам пастор уезжал на другой хутор совершать венчание, но предупредил, что еще побеседует с Эйриком после возвращения.

Оказавшись дома, Эйрик с удовольствием отметил, что за время его отсутствия почти ничего не изменилось. Все так же усадьбу окружал небольшой березовый лес – такой редкий в этих краях, что Эйрик гордился им, словно лично посадил каждое деревце. Некоторые его друзья за всю свою жизнь ни разу не видели столько растительности, сколько он наблюдал каждый день. На всякий случай он спросил у мамы, нет ли новостей об Агнес, но только чтобы сделать ей приятное и показать, что не забыл о сестре.

Тринадцатилетний Паудль так вытянулся за год, что они стали почти одного роста. Гудрун считала, что младший сын пошел в ее породу: в ее семье все мужчины отличались статью. От отца же Паудль унаследовал высокий открытый лоб и легкую рыжину, которую можно было заметить только на солнце.

Самого отца дома не было – он отправился на побережье, чтобы продать излишки шерсти и рыбы и купить соль, рожь и воск для свечей. При упоминании отца Паудль как-то помрачнел и, когда братья остались наедине, признался, что здоровье Магнуса в последнее время оставляет желать лучшего – кашель не утихает. До недавнего времени отвар смягчал недомогание, но в последние полгода стало хуже.

– Его осмотрел лекарь? – спросил Эйрик, укладываясь на постель рядом с Паудлем. Когда-то они уже спали на одной кровати, но тогда брат был значительно мельче и просто сворачивался у Эйрика под боком, как крохотная рыбешка за камнем. Теперь пришлось потолкаться, чтобы устроиться.

– Ты же знаешь отца! – фыркнул Паудль. – Притворяется, что все в порядке. Вот придет к празднику, ты с ним и поговоришь. Может, тебя он послушает. Кстати, почему ты все-таки вернулся? Тебя же не выгнали из Скаульхольта, правда?

Паудль повернулся на бок, и Эйрик сделал то же, чтобы смотреть брату в лицо. На соседней постели сладко похрапывала мама, а на кухне ветер бился в окно, затянутое тонкой телячьей шкурой так, будто собирался его порвать. Бадстову утепили на славу: не ощущалось даже легкого сквозняка. Прочные деревянные балки удерживали подновленную крышу из дерна.

- Ты же слышал преподобного Йоуна. Пастор хочет, чтобы я готовился к своим обязанностям уже сейчас. Может, тоже научит меня пугать маленьких детишек.

Паудль тихо и сонно рассмеялся, зарываясь поглубже в одеяло.

- Ты же приедешь на мою конфирмацию летом?

- Приеду, - улыбнулся Эйрик. - Обязательно приеду.

...Он проснулся посреди ночи от вкуса забивавшей рот сырой земли. На мгновение показалось, что он не может вдохнуть, плечи упираются в стенки гроба, а над головой - только деревянная крышка и несколько футов твердой почвы, которые не дадут ей открыться, как ни упирайся руками и ногами.

Эйрик откинул одеяло и сел. Рядом спокойно спал Паудль, отвернувшись к стене. Мамино дыхание тоже было ровным и глубоким. Водоросли в очаге уже прогорели, но в бадстове по-прежнему было тепло и сухо. На минуту он позволил себе поверить, что его разбудила собственная мнительность. Шутка ли - провести три ночи почти без сна, шатаясь вокруг хутора, как неприкаянный дух! Побрел на кухню и, зачерпнув из висящего над углями котла немного воды, сделал несколько больших глотков, надеясь смыть отвратительный вкус. Безуспешно. Ему даже показалось, что между зубами шевельнулись черви.

Тогда Эйрик накинул плащ и, совсем чуть-чуть приоткрыв дверь, чтобы не вымораживать бадстову, вынырнул на улицу. Стареющая луна спряталась за низкими облаками, почти не давая света. Тихо шуршали березы - знакомый, убаюкивающий звук. На секунду он поверил, что все произошедшее - просто дурной сон. Но затем лунный свет высеребрил высокую фигуру, застывшую на лавовом поле, и Эйрик понял, что предчувствия его не обманули.

Друзги бывают чрезвычайно зловредны. В свое время Торольв Скрюченная Нога из лощины в долине реки Тора наделал много шороха, когда умер. Столько

людей он свел за собой в могилу, что опустели даже ближайшие селения. Те, кто остался в живых, просто бежали куда глаза глядят, лишь бы сохранить жизнь и рассудок. Его тело пришлось доставать из могильной ямы, везти на двух волах на высоченную скалу и хоронить там за таким высоким частоколом, что его не могли перелететь даже птицы. То место с тех пор зовется Скалой Скрюченной Ноги. Впрочем, и частокол не помог, и Торольва пришлось откопать и сжечь[2 - И это не спасло жителей лощины, потому что пепел от погребального костра Торольва лизнула корова и родила зловредного бычка, который стал причиной многих бед.]...

Меньше всего Эйрику хотелось, чтобы его родной Арнарбайли звался в будущем Хутором Старика из Бискупстунги. Но мертвец не двигался с места – только стоял и пристально смотрел на Эйрика, свесив костяные руки вдоль тела. Когда Эйрик вошел обратно в дом, плотно прикрыв за собой дверь, друг остался на прежнем месте, неподвижный и прямой, как мачта.

До утра Эйрик не сомкнул глаз и поднялся с рассветом совершенно разбитый. Он отправился на поиски преподобного Йоуна, но работники сказали, что пастор вернется только вечером. К счастью, работы на хуторе, которая могла бы отвлечь Эйрика, было хоть отбавляй, а мама с Паудлем обрадовались еще одной паре рук.

Усадьба его семьи была большой и процветающей. Отец регулярно покупал у датчан соль и древесину, так что, в отличие от многих других, часть мяса они коптили с солью. Из коптилен тянуло терпким дымом от тлеющего кизяка. Эйрик заглянул туда посмотреть, как батраки развешивают над бочками с огнем массивные бараньи ноги, и отметил, что на них довольно жира. Значит, животные сытно ели все лето. Глядя на болтающиеся под потолком ляжки, он вспомнил вкус рождественского хангикьота – копченого ягненка, дымного и пряного – и сглотнул слюну.

Но до Рождества оставалось еще почти два месяца, а главным угощением предстоящего праздника был свид. Эйрик любил смотреть, как батрачки опаливают свежесотрубленные бараньи головы, сжигая на них все волоски, а потом тщательно моют уши и глаза. Мама сама будет готовить праздничный ужин. Она всегда говорила, что если есть на свете блюдо, талант к которому даровал ей сам Господь, то это кушанье, где необходимо разрезать чью-то голову и вынуть мозг.

Паудль позвал Эйрика помочь в кладовой, где в полу были выкопаны громадные ямы, похожие на колодцы. Туда полагалось опускать бочки, наполненные сывороткой. В кладовой царил кислый запах, а сама сыворотка, желтоватая и мутная, напоминала костный бульон. Эйрик от недосыпа никак не мог согреться и был рад поработать в помещении. До темноты они с братом брали принесенное батраками сваренное и охлажденное мясо и опускали его в жидкость, где ему предстояло пробыть несколько лет, пока не размягчатся даже кости, а само мясо не станет по вкусу как кислое молоко. Когда баранина закончилась, братья накрыли бочки крышками, залили ободы расплавленным жиром и осторожно опустили их в яму. К концу работы руки у Эйрика лоснились, а вся одежда была заляпана жиром и сывороткой. «Отдай девушкам, они стирают», – подмигнул Паудль. Лицо у него при этом сделалось хитрым, как у собаки, стащившей шмат сала со стола.

Работа надолго заняла мысли Эйрика. Преподобный Йоун решил остаться на соседнем хуторе до утра, поэтому парня ждала еще одна темная тревожная ночь в компании мертвеца из Бискупстунги. Вечер он посвятил волшебным страницам. Спрятавшись от любопытных глаз в комнате отца, где тот обычно возился с документами, Эйрик зажег лампу с тресковым жиром и провел несколько часов, высушивая, разглаживая и сшивая волшебные листы гримуара – их было всего около трех дюжин. У Магнуса и Боуги осталось примерно столько же. Трое друзей не договаривались, как распорядятся своей добычей. Предполагалось, что страницы – общие, но Эйрик уехал в Арнарбайли, и книгу пришлось разделить. Вероятно, позже они попытаются переписать недостающие страницы друг у друга, но сейчас у Эйрика были большие сомнения в успехе этой затеи. Все же он подумал, что, когда все это закончится, стоит заказать у мастера переплет. Пускай будет обычная, неприметная обложка из крепкой кожи, без штампов и резьбы. Такую возьмешь в руки и ни за что на свете не подумаешь, что под ней кроется нечто ценное.

От тонкого пергамента пальцам передавалось легкое покалывание, края страниц были так обтрепаны, что Эйрику пришлось опалить их, чтобы они окончательно не расползлись на волокна. Он сосредоточенно трудился в полумраке, краем глаза отмечая руны и гальдраставы, длинные вязи заклинаний и рисунки, значения которых не понимал. Всякий раз, когда Эйрик останавливался, чтобы разобрать написанное, книга сопротивлялась: руны вспыхивали огнем так, что глазам становилось больно, линии гальдраставов разлетались в стороны. Вначале Эйрик думал, что это игра света, но чем пристальнее он всматривался в текст, тем больше упрямылась книга. Она вся была верткая, скользкая, как форель. Ему не удалось разобрать ни одной

написанной руны.

С рассветом к Эйрику примчался слуга преподобного Йоуна и сообщил, что его хозяин вернулся в Арнарбайли и ожидает юношу у себя. Впервые за много дней Эйрику удалось задремать, и от этого прерывистого сна ему сделалось еще хуже, чем от бессонной ночи. После вчерашней работы и нескольких часов над книгой все тело ломило от усталости. Выпив горячий отвар с тимьяном и съев большую миску скира, он отправился в дом пастора.

Йоун Дадасон ждал его на улице перед дверью хутора. Руки он заложил за спину, а голову наклонил вбок, сделавшись похожим на поморника, который собирается отнять добычу у птички помельче. Когда Эйрик поприветствовал пастора, тот только смерил парня с ног до головы холодным взглядом, словно размышляя, стоит ли пускать его на порог. Преподобный Йоун был без шляпы. За то время, что они не виделись, линия темных волос отступила еще немного ото лба, и это открытие отчего-то обрадовало Эйрика. Оно означало, что время так же властно над пастором Дадасоном, как над всеми остальными, и что в некоторых битвах он все же сдает позиции.

– Не стойте на ветру, молодой человек, – вместо приветствия сказал преподобный и, развернувшись, вошел в дом, оставив дверь приоткрытой. Вероятно, это было приглашение.

Дом пастора, в отличие от его собственного, состоял из одной только бадстовы, кухни, отделенной от нее занавеской из овечьей кожи, и кладовой. В бадстове было так холодно, будто в ней вообще никогда не разжигали очаг. Судя по тому, как свободно, не ежась и не потирая ладони, чтобы согреться, двигался по комнате преподобный Йоун, его такое положение дел вполне устраивало. В обычное время Эйрика бы тоже не смутил холод, но бессонные ночи давали о себе знать: под кожу стал проникать мороз.

– Епископ написал мне о ваших маленьких забавах в Скаульхольте, Эйрик Магнуссон, – скривив рот, заметил преподобный Йоун. Он прошел на кухню, где было чуть теплее из-за тлеющего в очаге кизяка, и кивнул Эйрику на стул. – Но послание его весьма иносказательно, поэтому, если вы не возражаете, мне бы хотелось знать о ваших приключениях из первых уст. Если, конечно, такому талантливому молодому человеку вообще нужна помощь от меня, скромного деревенского пастора.

Эйрику помощь была нужна. Ничуть не смущаясь, он во всех деталях пересказал преподобному Йоуну вылазку на кладбище, стараясь не упустить ни единой мелочи. По опыту общения с Бриньоульвом Свейнссоном он свято верил в то, что лучший способ завоевать доверие собеседника – это совершенная честность. Но у пастора был припасен для Эйрика другой урок. Молча выслушав историю, он глубоко вздохнул и осуждающе покачал головой.

– Вы буквально утопили меня в своем пустословии, молодой человек. Краснобайство – плохое качество для будущего пастора. Вам стоит поработать над умением излагать свои мысли ясно и кратко.

Растерявшись, Эйрик умолк. Он снова почувствовал себя маленьким мальчиком, который, запинаясь, читает наизусть строчки из катехизиса под этим холодным неподвижным взглядом.

– Ну что ж, – скупно улыбнулся преподобный Йоун, садясь напротив. Сидел он очень ровно, болезненно выпрямив спину и сложив ладони на коленях. – Мне удивительно слышать, что вы, прибыв в Арнарбайли, не прибегли к помощи ваших старых друзей. Разве они не более сведущи в этих вопросах, чем я?

Эйрик отвел взгляд и задумался на мгновение. Он не сомневался, что сам священник ничуть не хуже знаком с аульвами, чем он сам, поэтому и ответ пастору был известен.

– Они не станут помогать с мертвыми.

– А что же ваш трофей? Разве там вы не найдете решение?

Как обнаружил Эйрик, признаваться в собственном бессилии было куда неприятнее, чем в своем триумфе – пускай и том, у которого были последствия.

– Я пытался, преподобный... Просидел вчера почти до утра, сжег весь жир в лампе, сшил те страницы, что у меня были, но не сумел понять ни строчки. Мне кажется, книга издевается надо мной!

Йоун Дадасон сухо засмеялся, и смех у него был такой же, как внешний вид – словно ноябрьская трава.

– А вы привыкли все брать с наскоку, не так ли? Гримуары не читают, молодой человек, они сами выбирают себе колдуна. Вы не преуспеете, пока друг не упокоен. – Он некоторое время смотрел прямо перед собой, размышляя, а когда снова заговорил, в голосе не было прежней насмешки. Все же от ровного невыразительного тона пастора у Эйрика мурашки бежали по позвоночнику. – Есть несколько способов утихомирить разбушевавшегося покойника. Мы могли бы позвать крафта-скальда, чтобы он сочинил волшебную вису и загнал мертвеца обратно в могилу. Одна беда: никто не может предсказать, когда в наших краях появится крафта-скальд, а твои успехи в стихосложении весьма скромны. Можно было бы обратиться к трудам Йоуна Ученого – большого друга нашего епископа, к слову, – и его прекрасной поэме «Демоногон», при помощи которой он счастливо избавил от друга хутор к западу отсюда. Но, боюсь, текст ее длинен и сложен, да и у меня нет его при себе. Нам остается настигнуть друга во время его дневного отдыха, отрубить ему голову и приставить к заду в назидание...

Йоун Дадасон резко замолчал и кольнул Эйрика взглядом. Глаза у него были серыми и непрозрачными, как вулканический пепел.

– Для этого мне нужно вернуться в Скаульхольт?

– Там тебя не ждут, Эйрик. – Преподобный откинулся на стуле. – Ни один из названных мной способов не подходит тебе для того, чтобы справиться с другом, хотя я рассчитываю на то, что ты однажды освоишь их все. Мы попробуем кое-что другое, мой мальчик.

* * *

Ко Дню Всех Святых вернулся отец. Выглядел он изможденным, но списывал это на утомительный путь. Наторговал Магнус Эйрикссон меньше, чем собирался. Датчане до неба задирали цены на соль, чернила, воск и дерево, зато сами, выбирая товар, подолгу с кислым видом изучали вязаные кофты, плащи, носки и варежки, брезгливо кривили рты и отбрасывали то, что им не приглянулось. Все эти унижительные подробности Магнус пересказывал тусклым, ничего не выражающим голосом, как будто его вовсе не трогало такое отношение, словно он зарыл свою гордость где-то в Арнарбайли и пока не откопал ее обратно. Зато от внимания Эйрика не ускользнуло, как Паудль сжал кулаки под столом и как жестко очертилась линия его челюсти, словно он изо всех сил стиснул зубы. Как

бы там ни было, теперь у семьи была хотя бы древесина – славное подспорье для суровой зимы.

А в том, что зима будет немилосердна к жителям хутора, Эйрик не сомневался: об этом говорили и скачущие вокруг хуторов снежные овсянки, и рано сменившие оперенье куропатки... Проходя мимо соседского дома, Эйрик заметил, как старый Оулав Сигурдссон, их арендатор, делает надрезы на селезенке овцы, но не успел рассмотреть, каким вышел рисунок. Если его жена заметит, чем он занимается, скандала не миновать. Оулав проделывал это каждый год, и каждый год его сварливая супруга кричала на него так, что слышно было по ту сторону Эльвюсау.

Эйрик встал затемно, чтобы успеть добраться до холмов Волукиркья, где, как он знал, располагалась церковь аульвов. Он оставил им скромное подношение в честь праздника: немного пива, табака и теплые варежки на маленькую женскую руку. Эйрик многое бы отдал, чтобы побывать на мессе аульвов, но его никогда не приглашали, а вторгаться в чужие владения без спроса он не решался, хотя и умел. Когда Эйрик был маленьким, его семья как-то пригрела на пару недель одного бродягу. За горячую похлебку из водорослей тот рассказал, как своими ушами слышал в Хьядли чудесное пение, которое доносилось прямо из скалы: казалось, ангельские голоса выводили псалтырь *A gu? alleina*.

Эйрику ни разу не приходилось слышать ничего подобного. Он постоял немного у подножия холма, ожидая, что кто-нибудь из его старых знакомых выйдет к нему и поблагодарит за подарки, но никто так и не появился. Эйрику пришлось вернуться домой, чувствуя себя еще более одиноким, чем до этого.

Месса Всех Святых, которую Гудрун любила называть «днем душ», а старый Оулав упрямо именовал «днем бараньей головы», проходила в церкви их хутора. Народу всегда набивалось столько, что то и дело кому-нибудь приходилось выходить, дабы сделать глоток-другой свежего воздуха. На праздник собрались жители всех соседних хуторов и несколько семей из Эйрарбакки. Явилась даже семья из рыбацкой деревни Стоксейри, что стояла прямо на лавовом поле, – путь оттуда был неблизкий. Странно, что они приехали в Арнарбайли. Насколько помнил Эйрик, у них была своя церковь, но бонд, который также был местным старостой, о чем-то хотел потолковать с Магнусом. Наверное, это был достаточно важный разговор, чтобы отправляться в такую даль.

Эйрику отчего-то запомнилась старшая девочка: ей было лет пять, и ее карие глаза были колючими и злыми, как у белого медведя. Это льдистое выражение не смягчали ни очаровательное круглое личико, ни белокурые кудряшки, которые его обрамляли. Странно было увидеть такой взгляд у ребенка. Когда девчушка зыркнула на Эйрика, он улыбнулся, но она только отвернулась.

– Гляжу, ты уже познакомился с Тоурдис? – усмехнулся Паудль.

В церкви было темно и душно. Несколько свечей из жира и глиняных ламп с горящей в них ворванью сжигали весь воздух, так что Эйрику было страшно представить, как они будут петь гимны. Слева его плечо подпирал брат, справа – отец, от которого резко пахло табаком, по?том и чем-то кислым, неуловимым. Возможно, так пахла болезнь.

– Почему она такая мрачная? Разве пятилетняя девочка должна быть такой хмурой? – вполголоса спросил он брата.

Паудль хмыкнул и пожал плечами:

– Может, она подменыш аульвов. Смотрит вокруг и думает: «Какое убожество»...

– Она не похожа на аульву, – возразил Эйрик. – У них нет вот этой складочки. – Он поднес руку к лицу и коснулся мягкого изгиба над верхней губой. Поймал странный взгляд Паудля: потерянный, любопытный, настороженный... Так смотрит человек, которому на мгновение приоткрылся таинственный мир, и он замер на пороге, не решаясь войти, но и не желая отворачиваться. Паудль никогда не проявлял интереса к гальду, но неожиданно Эйрику пришло в голову, что он совсем не знает, к чему лежит душа у младшего брата. Привыкший к частым отлучкам отца Паудль неплохо управлялся на хуторе. Но нравилось ли это ему, чувствовал ли он удовлетворение от хорошо проделанной работы, размышлял ли, лежа в кровати, что еще можно починить, сделать, улучшить?

Вот отцу никогда не давалось хозяйство. Он мог держать хутор на плаву, но истинной радости ему это не приносило. Гораздо больше его радовали книги и одиночество. Что же радовало Паудля, Эйрик не знал. Брат был для него все равно что руны из гримуара: стоит увидеть знакомый символ, как он тут же уплывает, теряется, меняет на ходу свои черты...

Тем временем началась месса. Если епископ Бриньольв Свейнссон читал проповедь торжественным голосом, от которого по всему собору разливалось тепло и слушателям искренне хотелось стать лучше ради этого большого доброго человека, то слова преподобного Йоуна ощущались совсем иначе. Его голос, сухой и жесткий, как собачья шерсть, сдирал с прихожан остатки самолюбия, свеживал их, как мясник. После его слов, что вгрызались прямо в кости, все чувствовали себя раздавленными и жалкими. Когда преподобный Йоун вспоминал тех, кто умер за год, Эйрик неожиданно услышал имя жены старого Оулава Сигурдссона. Оказалось, что летом во время сенокоса ее забрала лихорадка. словно в ответ на это, во время пения гимнов отец так закашлялся, что был вынужден выйти на улицу, чтобы продышаться. Паудль бросил на Эйрика встревоженный взгляд, но что тот мог ему ответить?

Голос у Паудля был в точности как у брата: чистый и сильный, высокий в силу возраста. Во время пения он закрывал глаза, и лицо его обретало одухотворенное, нежное выражение – такое, что даже маленькая Тоурдис тайком бросала на юношу любопытные взгляды.

После мессы все отправились в дом Магнуса, самый большой среди окрестных хуторов, чтобы отпраздновать как полагается. Боуги рассказывал, что у них на хуторе иногда устраивали веселье в самой церкви, но Эйрик представить себе не мог, чтобы преподобный Йоун позволил такое в Арнарбайли. Церковники и датчане на песни и пляски во время христианских праздников смотрели с осуждением, но кто может запретить людям радоваться? В жизни и без того не много счастливых дней. Старый Оулав любил говорить: «Попомните мое слово, скоро нам велят, чтобы мы не смели открывать свои рты! Их набьют датским дерьмом по самые уши! Отрежут нам ноги и языки!» Оулав был мастером мрачных пророчеств и, возможно, не так уж далек от истины.

Однако сейчас старик был в хорошем настроении. Вооружившись двухструнной фидлой и смычком в форме лука, он нежно поглаживал струны, положив инструмент себе на колени. Пальцы Оулава были узловатые и скрюченные, как сухая репа, но никто не обращался с музыкой ловчее, чем он. Народ разместился на кроватях и на принесенных слугами бочонках. Пастору Йоуну отвели почетное место рядом с очагом, положив на него подушки, но он отказался, оставив его пустым. Преподобный опустился на кровать и жестом указал Эйрику, чтобы тот сел напротив. Мама с батрачками внесли блюда с овечьими головами и большой котел, наполненный супом с бараниной. Но ароматнее всего пахло не мясо, а свежее испеченные ржаные лепешки, горькой сваленные на

широком подносе. Их было всего ничего, но Эйрик так давно не ел хлеб, что чуть слюной не подавился при виде такой роскоши. Наверное, отец привез немного зерна, и часть решили смолоть уже сейчас.

Оулаву достался большой кусок, от которого еще шел пар. Эйрик сдержался и отщипнул себе совсем немного, чтобы всем гостям хватило. Меньше взял только пастор, поблагодарив Гудрун сдержанной улыбкой. Он же попросил принести еще миску, поставив ее на пустующее место. Гости переглянулись, но никто не стал задавать вопросов. Эйрик взялся за овечьи челюсти и ловко разломил голову напополам, достав самое вкусное – нежный язык. Потом сунул в рот кусочек ржаной лепешки и долго жевал, не желая расставаться с теплой мякотью. В тесте он заметил знакомый привкус колосняка: значит, муку все же сэкономили. Преподобный Йоун ел мясо аккуратно, как на приеме у епископа. Он брал кусочки самыми кончиками пальцев и клал в рот, стараясь не измазаться в жире. Краем глаза Эйрик заметил, как мать Тоурдис шлепнула ту по руке, когда девочка попыталась вытереть руки о волосы младшей сестры.

Бадстова гудела, как рой мошкары над озером. Гостям принесли холодного неразбавленного пива, и Эйрик сделал два больших глотка. Потом Оулав взялся за фидлу и хриплым голосом спел свою любимую риму о нищем, который, стоя перед асами, забылся, упомянул Господа и перекрестился, за что получил золотым рогом Гьяллархорном в челюсть, а потом началась драка, которая кончилась тем, что нищего таки вышвырнули за дверь. В конце римы Оулав всегда хохотал так заразительно и громко, что все вокруг начинали смеяться. Один только преподобный Йоун поджимал губы и делал вид, что ничего не слышал и увлечен своим ужином.

Эйрику тоже на сей раз было не до смеха. Все его мысли были заняты пустой миской, которая словно только и ждала, пока ее наполнят. Когда раздался короткий одиночный стук в дверь, Эйрик подскочил. Звук был странным: будто барабанили не костяшками пальцев, а сухими палочками. Да и гостям после захода солнца полагалось стучаться трижды, чтобы их не приняли за злых духов. Он бросил взгляд на мать, но Гудрун как раз обхаживала соседей, подливая им пива, и как будто ничего не слышала. «Должно быть, нищий», – подумал Эйрик с надеждой, чувствуя, как холодеют ступни. Конечно, нищий, их много ходит по дорогам в эти дни, когда никто не может отказать им в милостыне.

– Почему же слуги не откроют? – пробормотал он.

Преподобный Йоун откинулся на стуле и улыбнулся одними губами.

- Вероятно, к кому нагрянули гости, тому и открывать.

Эйрик сглотнул. Не проходило ни одного вечера в Арнарбайли, чтобы он не спросил себя: стоило ли оно того? Правильно ли он поступил, уговорив Магнуса и Боуги помочь ему? Он поднялся на потяжелевших ногах, но едва двинулся в сторону двери, как цепкие пальцы священника схватили его за запястье. Йоун Дадасон выглядел спокойным, но взгляд у него был напряженным.

- Ты помнишь, о чем мы говорили, дитя мое?

Теперь стук раздавался не только в дверь, Эйрик слышал его повсюду: кто-то барабанил по окнам, расхаживал по крыше и снова возвращался к двери. Он осторожно высвободил руку и кивнул - во рту пересохло, и Эйрик боялся, что голос позорно сорвется. Он подошел к двери, приоткрыл ее и настороженно выглянул наружу...

На пороге стоял мертвец. Слабый свет из бадстовы вырисовывал очертания черепа: черные глазницы, ямку на месте носа, на удивление ровный ряд зубов. Старик из Бискупстунги не проявлял враждебности и не пытался наброситься. Он стоял ровно и неподвижно, как будто кто-то насадил его на шест. Только лохмотья колыхались на ветру.

«Что скажет мама?» - первым делом подумал Эйрик, но после секундных сомнений отступил на шаг и шире распахнул дверь, приглашая старика следовать за собой. Он помнил, что ни в коем случае нельзя пускать покойника вперед! Гудрун прикрикнула на сына - велела ему закрыть дверь, чтобы не выстужать бадстову. Она повернула голову в его сторону и недовольно цокнула языком, ни слова не проронив о покойнике, который зашел к ним в гости. Никто ничего не сказал, хотя Эйрик сам видел, как взгляды присутствующих останавливались на высокой костяной фигуре, что подошла к месту у огня. Но то ли освещение в бадстове было таким скудным, что гости приняли покойника за нищего в обносках, то ли какое-то собственное волшебство старика из Бискупстунги заставляло всех принимать все как должное. Вскоре другие гости потеряли интерес к новоприбывшему. Пастор коротко кивнул мертвецу, и Эйрику показалось, что труп кивнул ему в ответ.

«Я сейчас вернусь», – пробормотал юноша и, взяв у старика миску, со всех ног кинулся на кухню, где в самом дальнем углу ждал припасенный со вчерашнего дня мешок с могильной землей. Земля была сухая и рассыпчатая, с кусочками сухой травы. Эйрик хватал ее горстями и клал в миску, пока она не наполнилась до краев. Руки дрожали, земля высыпалась сквозь пальцы. Когда Эйрик вернулся в бадстову, преподобный Йоун преспокойно допивал свое пиво, а мертвец – ждал ужина, положив костяные ладони на колени.

Юноша поставил перед ним кружку с водой и миску с землей и скомканно пробормотал: «Прошу вас». Покойник склонил череп, изучая содержимое, а затем взялся за костяную ложку и стал есть. Ел он жадно и быстро: пропихивал полную ложку между зубами, и Эйрик слышал, как сухая земля сыпается вниз, а мелкие камушки стучат о ребра. Юноша сидел на своем месте по левую руку от мертвеца не шевелясь. Ему мерещилось, что, стоит ему сделать лишнее движение, как старик из Бискупстунги набросится сначала на него, а затем прикончит всех, кто трапезничал в доме. Как и на кладбище, он не выглядел слишком страшным: кости казались хрупкими, так что сдави – рассыплется в прах. Все же внутри черных глазниц ощущалась незнакомая, пугающая сила. Покойный мало был похож на человека. Эйрику трудно было поверить, что внутри него самого прячутся такие же кости, и однажды они будут единственным, что от него останется.

– Еще земли! – От голоса друга, напоминающего кладбищенский ветер, дрожь пробежала по всему телу. Эйрик мигом понесся на кухню, зачерпнул четыре больших горсти земли и принес мертвецу. Какое-то время старик не шевелился, затем взял ложку, но вместо того, чтобы, как в прошлый раз, отправить ее в рот, плюхнул несколько комков земли в миску Эйрика. Юноша поднял удивленный взгляд на пастора, но Йоун Дадасон только пожал плечами.

– Тебе не причинит это особого вреда. Он хочет, чтобы ты ел.

Эйрик посмотрел на землю в своей миске, поковырял ее ложкой. Червей внутри вроде не было, только трава с белыми спутанными корнями. Мертвец ждал, устремив на юношу свои пустые глазницы. Что будет, если отказаться?

Эйрик подцепил ложкой небольшой кусочек и отправил себе в рот. Земля закрипела на зубах. На вкус она была как затхлый погреб или как древний хлеб, который не соблазнит даже птиц. Он с трудом заставил себя проглотить ее, подтолкнув языком и запив большим глотком пива. Мертвец весь затрясся, и

между сжатых зубов стали пробиваться глухие ухающие звуки – покойник потешался над Эйриком. Затем он тоже взял ложку и стал поглощать вторую порцию с не меньшим аппетитом, чем первую. Заметив, что Эйрик не ест, он ткнул ложкой сначала в него, затем в его миску.

Юноша подчинился. Он старался не жевать и получше запивать землю, так, что даже захмелел. Больше всего его беспокоил не вкус, которого почти не было, а то, как земля царапает щеки и скрежещет о зубы. Попадались и мелкие камешки, которые было страшно глотать. Эйрик осторожно вытаскивал их изо рта и складывал на край миски. Он раздавливал землю языком, чтобы не сломать зубы. Прикончив свой «ужин», мертвец дождался, пока Эйрик доест, затем поднялся и двинулся к двери. Юноша выдохнул с облегчением – неужели на этом все? Друг уйдет и оставит его в покое? Эйрик распахнул дверь и даже пожелал старику из Бискупстунги доброй ночи, но мертвец сделал лишь несколько шагов и повернулся всем телом к Эйрику, как будто ждал, что тот выйдет следом.

С друзьями шутки плохи, особенно когда за спиной собралась вся твоя семья и маленькие дети. Эйрик плотнее запахнул плащ и кивнул: мол, веди. Как он и ожидал, друг направился к кладбищу. Обернувшись, Эйрик заметил черную высокую фигуру пастора, которую венчала широкополая шляпа. Йоун Дадасон держался в отдалении, но не отставал. Юноша медленно ступал за покойником, стараясь одновременно не упустить его из виду и не растянуться, споткнувшись о выскочивший из земли корень. Зубы стучали так, что слышно было, наверное, даже пастору, но когда впереди показалась знакомая ограда из застывшей лавы, Эйрик крепко стиснул их. Ветер был сильный, но покойник ни разу даже не покачнулся, поднимаясь на холм.

Эйрик понятия не имел, откуда наверху взялась вырытая могила. Он точно знал, что никто не умирал в последние дни, иначе пастор уже сказал об этом на проповеди. У могилы пока не было надгробного камня, только зияющая в земле яма. При виде этого Эйрик сглотнул: земля, которую он съел за ужином, запросилась обратно. Мертвец встал у изножья, и парень с пугающей ясностью понял, чего от него хотят. Друг желал, чтобы юноша лег в могилу. Сам. По своей воле.

Что будет дальше? Его закопают живьем, и его гибель станет расплатой за то, что потревожил старика из Бискупстунги? Или это испытание, в конце которого его ждет награда? Как узнать? Никак. Теперь ты должен сделать выбор и

рискнуть...

Эйрик ждал, что на него навалится сонная усталость, как в прошлый раз, когда драуг чуть не убил его. Но сейчас никакого утомления он не чувствовал. Только трясучее возбуждение и страх, даже ужас, как в открытом море, когда ты понимаешь, что волны уже отнесли тебя так далеко от берега, что сопротивляться бессмысленно. Эйрик ловко спрыгнул в могилу, только чтобы почувствовать, как пружинят ноги по влажной земле, как работают мышцы – вспомнить, что пока он еще живой. Надолго ли? Все в руках Господа.

Он вытянулся на холодной влажной земле, трясась от ужаса, с колотящимся сердцем. Небо над головой было усеяно звездами. На юношу смотрели с высоты Глаза Тьяцци, которые зимой всегда ярко сияют над горизонтом, а правее и чуть ниже он отыскал Прялку Фригг. Попытался сконцентрироваться на звездах, как во времена сильного волнения в Скаульхольте старался думать только о спряжении латинских глаголов, но все же вздрогнул, когда на ноги ему обрушилась первая горсть земли. Три звезды в созвездии Прялки... Земля укрыла половину его тела и добралась до груди. Если посмотреть наверх от Прялки, можно найти семизвездие, как же оно называется на латыни... *Facientem Arcturum*. Уже укрытый по самую шею, Эйрик почувствовал, что задыхается. Он яростно хватал ртом воздух, попытался пошевелиться, но земли сверху было слишком много. Она давила, как надгробная плита. Ему показалось, что он обмочился, но проверить не смог. В голове не осталось ни одной мысли, только безумное мечущееся пламя. Перед тем, как в глазах потемнело, он увидел подсвеченный луной череп старика из Бискупстунги.

«Все то же самое, – подумал Эйрик, – кроме того, что теперь я лег в могилу сам».

* * *

Он не успел понять, когда все прекратилось.

Просто открыл глаза и вместо жуткого черепа рассмотрел темную высокую фигуру в шляпе. Пастор скрестил руки на груди и терпеливо ждал, когда Эйрик придет в себя. Юноша сел, трясая головой. Он лежал поверх могилы – судя по тому, как хорошо утоптана была земля, довольно старой. Одежда его испачкалась от того, что он катался по земле, но ничего не говорило о том, что Эйрика только что закопали живьем. К его утешению, штаны тоже остались

сухими. Что-то шуршало и царапало грудь под рубашкой. Он сунул руку туда и достал сшитые страницы волшебной книги.

– Что это значит? – Во рту все еще оставался сырой привкус. Преподобный Йоун Дадасон сунул руку в карман, достал флягу и бросил Эйрику. Юноша поймал ее одной рукой и, откупорив крышку, сделал большой глоток крепкого аквавита.

– Пока вы отдыхали, драуг направился на северо-восток. Подозреваю, он хотел бы добраться до Скаульхольта и наконец упокоиться в своей могиле.

– Что мешало ему сделать это до сегодняшнего дня? – Эйрик глотнул еще раз и вернул фляжку пастору.

– Незаконченное дело, я полагаю.

– Это какое же?

Когда преподобный опустился на корточки перед Эйриком, колени его хрустнули. Лицо Йоуна Дадасона оставалось все таким же невозмутимым, а улыбка – язвительной.

– Преподавать вам урок, молодой человек.

Они вернулись в Арнарбайли плечом к плечу. Перед сном Эйрик коротко взглянул на страницы книги и заметил, что руны больше не разбегаются от него, как мальки от брошенного в реку камня. Он сунул гримуар под матрас, чтобы никто в доме не мог его найти. Как знать, какой вред он причинит тем, кто не сведущ в гальде?

Впервые за много дней Эйрик спал крепко и сладко, и ничего не тревожило больше его душу. Через несколько дней пришло письмо от епископа с разрешением вернуться к обучению, если его, конечно, не задерживают на хуторе более важные дела. Эйрику не терпелось рассказать Магнусу и Боуги, что с ним случилось, и расспросить друзей, как успехи с их частью страниц.

Проводить Эйрика неожиданно явился преподобный Йоун. Хотя держался он по-прежнему надменно, юноша все же чувствовал к нему определенную теплоту.

Ведь пастор мог отказаться ему помогать, мог даже донести на Эйрика! Тогда проблемы были бы не только у него, но и у епископа – ведь это его школяр побеспокоил покой мертвых, подняв целое кладбище. Юноша от всей души поблагодарил преподобного Йоуна и заверил его, что будет рад помогать ему в качестве младшего пастора через несколько лет, когда закончит свое обучение в Скаульхольте. Йоун Дадасон слушал без особого интереса и только, когда Эйрик подтягивал подпруги у своего коня, сухо заметил:

– Господин епископ хорошо обучит тебя. Ты прочитаешь множество книг, выучишь гальды и освоишь руны. Станешь переписываться с учеными людьми... В какой-то момент тебе покажется, что ты знаешь все. – Он помолчал, глядя на юношу своими холодными непроницаемыми глазами. – Я просто хочу, чтобы ты помнил, Эйрик Магнуссон, что настоящая школа будет ждать тебя здесь.

Глава 2. 1657 год

Стоксейри

День Тоурдис Маркусдоттир начинался и заканчивался морем. Его было видно с порога их дома, а слышно – отовсюду. Девочка выбиралась на берег темным зимним утром, а потом еще раз перед сном, чтобы пожелать морю доброй ночи. Чтобы дойти до большой воды, ей приходилось прыгать по скользким подмерзшим островкам застывшей лавы. Летом черные валуны покрывались пушистыми кустиками травы и мха и выброшенными водорослями. Тоурдис нравилось, когда матушка отправляла ее с младшей сестрой собирать плавник для растопки и водоросли к ужину. Так она могла целый день проводить на берегу.

Море было одновременно даром и дарителем. Оно приносило девочке ракушки и развлекало ее изогнутыми спинами дельфинов, высоко выпрыгивавших из воды. По морю приплывали большие датские корабли, привозившие вкусную еду и красивые вещи, каких не встретишь в Исландии: бусы, ленты, яркие тонкие

ткани... Когда отец покупал подарки матушке, чтобы задобрить ее после очередной ссоры, изредка что-нибудь перепадало и Тоурдис. Однажды ей досталась большая блестящая пуговица. Тоурдис пришила ее на юбку и стала единственной девочкой в деревне, на одежде которой была пуговица.

Она и сама была бы не прочь отправиться в путешествие. Слушая истории о пиратах, которые увозили исландских красавиц и продавали их в рабство в Алжире, Тоурдис всей душой жалела, что никто не похитил ее. Она перерезала бы глотку капитану и сама встала за штурвал, а потом отправилась бы в Данию, свергла тамошнего короля и заняла его место. Кто сказал, что нельзя быть капитаншей пиратов и королевой одновременно?

Но потом приходила зима, а с ней другие заботы, которые надолго отрезали ее от любимых мест. В самое ненавистное время рождественского поста, когда приходилось целыми днями вязать или чесать шерсть, оставалось лишь спасаться выдумками. Но мало того, что пальцы саднило от шерсти, так еще и хороших рассказчиков в Стоксейри не водилось! Лишь матушка умела навести страху своими историями о людоедке-Гриле, но и те рано или поздно заканчивались.

Если что и могло быть хуже длинных и скучных вязальных ночей перед Рождеством, то лишь визиты пастора, преподобного Свейнна. Каждый раз он усаживался как можно ближе к Тоурдис и внимательно наблюдал своими маленькими глазками за ее работой. От него всегда плохо пахло: прогорклым жиром и тухлой рыбой. Вообще-то Тоурдис любила запах рыбы. Даже сушащаяся на рейках безголовая треска, про которую младшая сестра Кристин всегда говорила, что та пахнет овечьим пердежом, не казалась ей противной – в отличие от преподобного Свейнна. Он был старым (как ее отец или даже старше), вонючим и скучным. А еще он ненавидел Тоурдис, и она отвечала ему взаимностью.

Нынешнее Рождество не обещало ничего особенного. Девочка собиралась выбраться из дома с утра пораньше, чтобы ее не нагрузили работой. Хватит того, что, едва стемнеет, предстоит браться за шерсть! Но, как назло, матушка долго пыталась накормить неугомонного младенца, снова и снова пихая ему в рот смоченную коровьим молоком тряпицу. Тоурдис слышала, как родители ругаются из-за нового ребенка, который почти никогда не замолкал. Его крик звучал как чайный клекот.

Она улучила момент, когда родители так увлеклись друг другом, что не замечали ничего вокруг, подхватила юбки и выскочила в коридор, а оттуда – на улицу. Там Бьёрн, ее старший брат, осторожно вытаскивал кружок льда из бочки, где заготавливали соль. Ему удалось отделить лед от деревянных стенок, не повредив, и Тоурдис подошла поближе, чтобы взглянуть. Внутри прозрачного куска застыли мелкие трещинки и пузырьки. Бьёрн терпеливо держал глыбу на бортике бочки, давая сестре рассмотреть ее со всех сторон, а потом с глухим звуком уронил в снег, едва не попав себе по ногам.

– Куда это ты собралась? – спросил он, заглядывая в бочку. Воды в ней оставалось еще больше половины – придется подождать, прежде чем соли станет достаточно, чтобы лед не мог схватиться. – Матушка знает, что ты уваливаешь от работы?

– Я не уваливаю. Она послала на берег за плавником.

Бьёрн засмеялся. Смех брата был для Тоурдис лучшим звуком на свете, красивее мог быть только перестук морской гальки. Он шлепнул сестру по уху мокрой рукавицей и, отвернувшись, высморкался в снег. Тоурдис тут же решила, что, когда вырастет, будет делать так же: громко смеяться и сморкаться в снег.

– Вруха!

Когда она рванула прочь, в сторону берега, Бьёрн не стал ее останавливать. Отбежав подальше, Тоурдис обернулась посмотреть, как выглядит их усадьба со стороны. Несколько слеplенных вместе домов жались друг к другу, чтобы не замерзнуть, как сама Тоурдис и ее сестра по ночам, когда очаг в комнате остывал. Летом дома зеленели от травы, но сейчас все – и крыши, и двор – покрывал снег. Бьёрн все еще стоял рядом с бочкой, и девочка видела по его глазам, что, не будь так много работы, брат побежал бы с ней взапуски, гогоча и улюлюкая.

– Диса, возвращайся до темноты!

Тоурдис размахисто закивала в ответ и понеслась дальше: мимо кузницы, мимо дома кожевника Пьетура Сигурдссона, мимо церкви...

«Диса» – так звали ее многие, но только у брата в голосе всегда звучала нежность. В давние времена дисами считали таких особенных богинь вроде валькирий, но сейчас этим словом называли все дурное, что преследовало их род, все болезни и неудачи, которые обрушивались на семью. Слышать такое про себя было немного обидно. Матушка убеждала, что это просто сокращение от ее полного имени, но Тоурдис знала, что мать никогда ничего не делает просто так. Досадно было не столько потому, что она не оправдала чьих-то надежд, сколько из-за несправедливости. Разве она одна приносит несчастья? Если уж говорить начистоту, никто из детей Хельги Тейтсдоттир и Маркуса Торвассона, кроме старшего сына Бьёрна, не отличался усидчивостью и послушанием.

Море встретило Дису приветливо и шумно. Вдоль берега выстроились в ряд деревянные балки, на которых болталась обезглавленная треска. Рыбу вывесили совсем недавно, и мясо еще не успело пожелтеть. Несколько дней назад резко похолодало, а значит, вкус у трески будет свежим и приятным, как говорили рыбаки. Они должны были скоро вернуться. Рыболовный сезон закончился еще в прошлом месяце, но погода стояла хорошая, и многие до сих пор ходили в море.

От кромки воды девочку отделяли островки черной застывшей лавы и замерзшие озерца между ними. Ловко проскакав по камням, Диса пробралась к морю и вдохнула полной грудью. На берегу было ветрено, и она все-таки промочила ноги – в пятках хлюпало, и каждый раз, как юбка задевала щиколотки, становилось зябко. Зимой, в месяц мозгосос[3 - Третий месяц зимы. Длится с середины декабря по середину января.], море скучало, как и сама Тоурдис: ни тебе китов, ни дельфинов, ни касаток, ни тупиков... Лишь едва заметная линия горизонта указывала на место, где волны соединялись с серым небом.

Дису утешала близость воды, как иных детей успокаивает присутствие родителей. Море было мутно-золотистого цвета от поднятого со дна песка и суглинка. Откуда-то с западной части берега из-за большого валуна доносился длинный протяжный звук: не то вой, не то мычание, – а следом будто перестук мелких камушков, спрятанных в мешочек. Рев и щелканье поймали девочку на полушаге, и Тоурдис замерла, балансируя на кончиках пальцев. Потеряв равновесие, она наступила в воду, но проворно выпрыгнув, замерла, прислушиваясь.

Море издает разные звуки. Иные из них быстро становятся знакомыми, хоть и кажутся поначалу чудными – как вой ветра в скалах или крики чаек. Другие же удавалось услышать лишь раз, и они так и оставались для Тоурдис загадкой. Она бережно хранила в памяти каждый, а особенно странные выцарапывала на кусочке плавника и прятала в тайнике под порогом. Писать ее научила матушка, а ту – ее матушка. Отцу грамотность дочерей была не по душе, но если Хельга Тейтсдоттир что-то решала, то стояла на своем до конца.

Нынешний вой могло издавать животное, выброшенное на берег и не способное вернуться в море. Но Диса не спешила с выводами. Она выросла рядом с большой водой и знала, как обманчива та бывает и как легко выдает неживое за живое. Нужно было дождаться, пока звуки – длинный негромкий рев и щелчки – повторятся. Девочка огляделась, чтобы убедиться, что никто не помешает, а потом осторожно подошла к валуну. Его облюбованная рачками поверхность была пористой и неровной, будто кто-то откусывал от камня по кусочку, пока не обгрыз его со всех сторон.

Валун можно было обойти по пляжу или по воде, намочив и вторую ногу, но Тоурдис выбрала третий путь. Подоткнув юбку за пояс, она полезла прямо на камень, цепляясь пальцами за острые выступы. Отсюда девочка уже слышала плеск воды, как будто кто-то решил искупаться. Она добралась почти до верха, когда мужской голос окликнул ее. За камнем раздался отчетливый «плюск», который мог означать, что существо вернулось в море, оставив ее в неведении.

Чьи-то крепкие руки подхватили ее под мышки и, сняв с валуна, поставили на островок. Ничуть не смутившись, Диса одернула юбку и недовольно обернулась. Двое мужчин тянули лодку к берегу, стоя по колена в ледяной воде, а третий, Гисли, как раз и прервал ее приключение. Гисли работал на ее семью задолго до того, как Тоурдис появилась на свет, и был для нее кем-то вроде няньки: именно от него она узнавала все истории о морских чудищах, призраках и пиратах.

Гисли был немного старше отца Тоурдис, но коренастее и шире в плечах. Его обветренное лицо с небольшим белым шрамом под глазом наполовину закрывала светлая борода, в которой поблескивала рыба чешуя. Гисли любил говорить, что, если покопаться в его бороде, можно найти настоящее сокровище.

– Ты мне помешал! – сварливо заметила девочка, подходя вместе с ним к лодке. На деревянном дне подпрыгивала, извиваясь, рыба. Некоторые рыбешки под

грудой своих сородичей уже и трепыхаться не могли, а вот свежевывловленная треска еще билась в надежде на спасение. Тоурдис с усмешкой оглядела улов. – Поймал что-нибудь интересное?

– Ничего особенного. Зато мы своими глазами видели Хавгуву. Знаешь, кто это?

Диса поджала губы. Она не любила, когда ее держат за дурочку.

– Если бы ты видел Хавгуву, Гисли Оулавссон, она бы утопила лодку, не успели бы вы и глазом моргнуть, вот так! – Девочка с удовольствием изобразила, как лодка идет ко дну, пока рыбаки воздевают руки к небу и умоляют Бога сохранить им жизнь.

– Очень похоже! – одобрил Гисли, когда смех рыбаков стих. Они уже вытащили лодку на берег и сматывали удочки. Пальцы у всех покраснели от холодной слизи. – Но почему ты думаешь, что хозяйка водных монстров такая злыдня? Может, она бы подплыла к нам и указала, где затонул пиратский корабль с сокровищами! Мы бы выловили сундук и разбогатели.

– Вот ты чудной! – изумилась Тоурдис. – Во-первых, с чего Хавгуве, пожирающей китов и корабли, показывать тебе клад? Во-вторых, найди вы сундук с золотом, зачем бы вы вернулись сюда? Надо было отыскать порт, купить себе корабль и уплыть в Гренландию или Данию. Кто захочет оставаться слугой, когда у него есть сундук с сокровищами?

Рыбаки вынуждены были признать, что ее слова разумны. Оставив мужчин расправляться с уловом, Гисли повел Тоурдис домой. По пути она размышляла, стоит ли говорить о странном вое за валуном, но решила промолчать, пока не выяснится, кто это был. Тем временем Гисли стал расспрашивать, как поживает матушка, и Диса рассказала ему о дурацком ребенке, который орет целыми днями и ночами, не давая спать всему дому. От этого мама сама не своя, все забывает и дремлет на ходу. Про себя Тоурдис думала, что лучше бы этого ребенка унесли аульвы, да вот только в Стоксейри их не водилось. Быть может, с Рождеством, когда аульвы переезжают, кто-нибудь поселится поблизости, но до тех пор оставалось еще две недели.

Похоже, Гисли опечалила и встревожила история о плаксивом ребенке. Наверное, его тоже удивляло, как в одной и той же семье могут рождаться

такие крепкие дети, как Диса и Бьёрн, и такие хлипкие, как ее сестра и младший брат. Маленькая рука Тоурдис тонула в его большой шершавой ладони. Мрачность Гисли словно передалась ей вместе с сумерками, наползающими на берег.

* * *

Матушка встретила Тоурдис хлесткой затрещиной. Она же велела не уходить! Предупреждала, что понадобится помощь с младшими детьми!

- Почему ты никогда не слушаешь? Тебе наплевать?

Тоурдис и вправду не слушала, и ей действительно было немножко плевать, но Хельга выглядела такой уставшей, что Диса прикусила язык, лишь бы не схлопотать еще одну затрещину. Оставив мать с Гисли, она юркнула на кухню. Младенец от коровьего молока все-таки успокоился и задрях. По пути на кухню Диса заглянула в его колыбельку, но Кристин предостерегающе замотала головой и зажала нос. Солома под ребенком пованивала.

Зато приятно было в кои-то веки побыть дома в тишине. Пока служанки на кухне накладывали в глубокую миску скир, наливали в кувшин кислую сыворотку и выуживали из котелка сваренное баранье мясо, в бадстове загрохотали ботинки. Значит, вернулись мужчины, и пора было подавать еду. На кухню вошла мать, чтобы разделить мясо на порции для каждого гостя и члена семьи. Тоурдис осторожно высунулась из-за занавески, чтобы посмотреть, кто пришел. Кроме брата и отца, явился преподобный Свейнн с женой Тоурой, такой же скучной и неприятной, как он сам. Она всегда повязывала шаль так туго, что на пузе появлялась пара лишних складок.

Отец, сидевший на кровати с широко расставленными ногами, выглядел довольным. Пабби повсюду сопровождал запах молока, пота и браги, руки у него были горячими, а сквозь волосы на голове просвечивала розовая кожа. Тоурдис нравилась отцовская фигура, которая занимала весь дверной проем, когда он появлялся на пороге. Его живот рос с каждым годом, как у женщины на сносях. Когда Диса была маленькая, она спрашивала, появится ли у нее еще один братик или сестра. Пабби хохотал в ответ и сажал ее себе на шею, придерживая за ногу, чтобы не свалилась. Сложно было найти человека, который смеялся бы так же много, как пабби. Он называл себя самым веселым окружным старостой

во всей Исландии. Наверное, за это мама его и полюбила – за то, что он всегда знал, как ее развеселить.

Впрочем, даже его веселость как ветром сдувало, когда являлся преподобный Свейнн. Из-за визита пастора все ужинали в тяжелом молчании, сидя каждый на своей постели и держа миски на коленях. Невысушенные ботинки Тоурдис неприятно хлюпали. Когда трапеза закончилась, зажгли больше ламп, и все устроились за работой: отец принес из сарая ножи для разделки рыбы и брусок для заточки, а мама взялась за прялку. Младенец снова раскричался, и Кристин пришлось взять его на руки, чтобы успокоить и поменять одеяльце. Дисе и батрачкам велели вязать. Это было лучше, чем чесать шерсть, но все равно тоскливо. Не будь на посиделках преподобного Свейнна, мать разрешила бы им спеть римы или рассказать сказки, но в присутствии пастора иных развлечений, кроме бесконечного повторения Слова Божия, не полагалось. Жена пастора принялась давать Хельге советы, как сделать, чтобы малыш не плакал. Мать слушала с вежливой улыбкой и продолжала прясть, изредка кивая, но ничего не отвечая.

Пришла также пасторская дочь, Сольвейг, старше Дисы лет на пять, с недобрым взглядом и толстой темной косой. Коса выглядела как живая, словно на плече у Сольвейг задремала кошка. Девочки никогда не заговаривали. Диса вообще не видела, чтобы Сольвейг говорила с кем-то, кроме своей матери.

Сама Диса попыталась целиком уйти в вязание, но пальцы у нее были неуклюжими, и спицы то и дело норовили сбросить нитку. Рукоделие вообще давалось ей с трудом: когда она чесала шерсть, то умудрялась все руки исколоть об чески, когда пряла, нить получалась то тонкой, то толстой, а вязаное полотно и вовсе выходило неровным и с дырками от пропущенных петель. Тоурдис знала, что нужно просто привыкнуть и руки сами возьмутся за дело, но сиплое дыхание священника и запах тухлой рыбы сбивали ее с толку. Она незаметно скинула мокрые ботинки и поджала под себя ноги, спрятав их под юбкой. Останавливаться было нельзя. Работы в рождественский пост всегда много: требовалось наделать целую гору варежек, кофт, чулок и шапок для каждого члена семьи и на продажу...

Странный рев, что она слышала на берегу, никак не шел из головы. Тоурдис уже голову сломала, раздумывая, что это могло бы быть, но в конце концов решила, что издавало его морское чудовище. Погрузившись в свои мысли, она перестала вязать. Такое с ней случалось: стоило о чем-то крепко задуматься, как тело

замирало и взгляд устремлялся куда-то вдаль. На сей раз вместо маминого окрика раздалось раздражающее покашливание преподобного Свейнна.

– Кто из вас помнит Второе послание апостола Павла к Фессалоникийцам? Позвольте... «Вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас»... Не обременяешь ли ты свою семью, дитя мое?

Диса встrepенулась и подняла взгляд на преподобного Свейнна. В сумеречном свете ламп его лицо казалось вздутым, как голова утопленника. Мерещилось, что пастор лопнет, если проколоть его спицей. Тоурдис перевела взгляд на его большие ладони, лежавшие на коленях, и долго их рассматривала.

– Не обременяю, – решительно ответила она и приподняла свое вязание. – А вот ваши руки в праздности, преподобный Свейнн.

Она еще никогда не видела, чтобы люди так раздувались! Казалось, что щеки пастора вот-вот порвутся от напряжения. Шея пошла красными пятнами, заметными даже в свете лампы. Зато Сольвейг неожиданно улыбнулась – едва заметно, но Диса гордилась тем, что ей удалось заслужить одобрение этой молчаливой красивой девочки.

...Разумеется, ей досталось. Ничего другого Диса и не ждала, но ей так хотелось дерзко ответить, что это стоило пары оплеух. Отец пытался заставить ее извиниться перед пастором, но она лишь сжала губы и смотрела с вызовом. Ни уговоры, ни подзатыльники на нее не подействовали.

Перед уходом преподобного Свейнна родители пообещали, что проучат ее как следует. Однако, к удивлению Дисы, особой взбучки не последовало: шлепнули пару раз и снова усадили за работу. Матушка лишь пригрозила, что, если Тоурдис будет отлынивать, она достанет свой «пробуждающий колышек» – палочку, которую ставят между веками ленивым слугам, чтобы те не могли закрыть глаза. Диса много слышала о таком колышке, но ни разу в жизни его не видела. Как-то она спросила о нем Гисли, но тот лишь посмеялся и сказал, что все это страшилки. Правда, услышав, что о колышке упоминала Хельга, припомнил, что видел, как таким наказывали особых лентяев.

Спать тем вечером легли поздно. Ворочаясь с боку на бок, Диса чувствовала, как от вязания сводит пальцы.

* * *

Проспать до утра ей так и не удалось. Диса сразу поняла, что ее разбудило, но поворачиваться лицом к бадстове не спешила. Родители снова ругались, а малыш Арни заливался плачем. Он перебудил весь дом: Кристин, спавшая рядом с Дисой, глубоко вздохнула и сжала руку сестры под одеялом.

Отец хотел, чтобы мать накормила младенца жирными сливками и тот унялся. Сказал, что их соседка Тоура жевала для своих отпрысков рыбу и вкладывала им прямо в рот. Когда он это произнес, Кристин изобразила, как будто ее тошнит. Мать на это ответила, что Тоура загубила больше детей, чем родила! Диса и не догадывалась раньше, что Тоура губила каких-то детей, хотя ей было известно, что сыновья пасторши время от времени умирали. Ей нравилось смотреть на деревянные гробики, которые опускали в маленькие могилки. Наверняка младенчикам там было приятно и уютно.

Укрывшись с головой, они с сестрой лежали и слушали, как мать меряет шагами бадстову, а сонный и раздраженный отец жалуется, как он измучен. Пабби повторял, что целыми днями трудится, но уже которую ночь не спит. Если из-за его рассеянности случится несчастье, что Хельга тогда будет делать?

– А что ты предлагаешь, Маркус? – громким шепотом спросила мать, хотя понижать голос не было никакой необходимости. Крики ребенка все равно все заглушали. – Думаешь, я не устала? Или я не тружусь? В чем ты меня обвиняешь?

– Весь дом страдает от того, что ты не знаешь, как обходиться с собственным ребенком! Ты – мать, сделай что-нибудь! Я так больше не могу, Хельга, я не выдержу! Он орет и орет как оглашенный. Может, это вообще не наш сын?

Шаги матери остановились. В перерывах между детскими воплями было слышно, как она тяжело и шумно дышит.

– Что ты этим хочешь сказать? – прошипела Хельга, и голос ее звучал как вода, попавшая на раскаленные камни.

– Может, он подменыш, может, это аульвы нам его подбросили, а нашего ребенка забрали к себе! Я слышал тысячи таких историй!

Диса зажала себе рот, чтобы не засмеяться в голос. Отец мог бы знать, что в этих краях аульвы не водятся, а до ближайшего их жилища несколько дней пути. Захоти они украсть ребенка, могли бы найти хутор поближе. Но пабби никогда не интересовался, где живут аульвы, и смеялся над историями о них, которые слышал от работников. Теперь же хватило нескольких ночей без сна и одного орущего младенца, чтобы он внезапно во все поверил.

– Что за бред ты несешь, Маркус, да ты не в себе! Господь с тобою, хорошо, что этого не слышит преподобный Свейнн... Ребенок просто болен, я это чувствую. Стоит выпустить его из рук, он начинает орать.

– Так сделай что-нибудь или я свихнусь! – зарычал отец.

Хельга ушла на кухню. Тоурдис услышала мамину возню, клацанье глиняных кувшинов и скрип стула, на который тяжело опустилась женщина. Кристин уснула, едва стихли крики, вскоре захрапел и отец. Диса тихо выбралась из-под шерстяного одеяла и, сунув ноги в ботинки, прокралась за занавеску.

На кухне горела лампа. Ветер хлопал в окно. Хельга сидела за столом, держа Арни одной рукой, а второй прикладывая к его губам клочок ткани, смоченный сливками. Малыш причмокивал, выжимая губами все до последней капли, глаза его были блаженно прикрыты. На краю стола стояла склянка.

Хельга выглядела совершенно изможденной. Лицо у нее осунулось, и Диса подумала, что матушка не спала гораздо дольше отца. Когда она вошла на кухню, Хельга дернулась, как будто готовясь к новой стычке, и расслабилась, только разглядев дочь.

– Я правда не знаю, что делать, – шепотом призналась она, раскачиваясь на стуле. – Он кричит, даже когда сытый. Мучает меня ужасно. Иногда я думаю, что Господь наказывает меня за...

Она замолчала, не договорив, и Дисе показалось, что Хельга плачет. Она тронула мать за рукав.

– Давай я его покачаю. А ты поспишь.

Поколебавшись, Хельга кивнула и с опаской передала ребенка дочери. У той в руках никто не кричал: ни ягнята, ни щенки, ни младенцы. Казалось, ее ладони обладали особым успокоительным даром. Хельга оставила девочке свою шаль. Диса устроилась на том же стуле и стала так же, как мать, раскачиваться взад и вперед, убаюкивая младенца. Им предстояло провести вместе целую ночь.

* * *

Наутро мать отпустила Дису к морю – дочь не только дала ей выспаться, но и вернула младшего брата спокойным и даже повеселевшим. На самом деле Тоурдис не любила маленьких детей: их блуждающий взгляд был менее осмысленным, чем у щенков, писклявые звуки раздражали, а от одеял, в которые их заворачивали, шел невыносимый запах. К Арни она не испытывала ни симпатии, ни привязанности. Хотя у ее матери еще не умер ни один ребенок – настоящее чудо! – надо всегда быть готовым к тому, что младенец окажется недостаточно крепким для этой жизни. Так что к ночному укачиванию Диса отнеслась как к работе, за которую тебя вознаградят, но не более. Несколько раз младенец просыпался, но стоило ему открыть рот, она тут же совала ему тряпицу, смоченную сливками, и он снова обмякал у нее в руках. К утру она и сама ненадолго задремала, ногой упираясь в противоположную стену и высоко задрав колени, чтобы во сне не рухнуть и не задавить ребенка.

Хельга утром обращалась с ней ласково: заплела две косы и достала из сундука шапку, чтобы девочка не обморозила уши. Как ушли отец и Бьёрн, Диса не слышала – должно быть, они отправились в путь еще по темноте. Еда, как обычно, появится только к полудню, поэтому она тайком прокралась в кладовку и стащила несколько кусков копченой баранины, спрятав ее в корзину. От бессонной ночи голод разыгрался, но мясо она припасла не для себя. По двору девочка бежала бесшумно и ловко, как снежная лисица, стараясь не привлекать к себе внимания. Сквозь снег пробивалась чернеющая земля, которая чвакала, если наступить на нее, и тогда от ботинок оставался грязный след.

Над морем низко нависало небо, грязно-серое, как вода после стирки. Берег покрывал ровный слой хрустящего снега. Слабо подергивались на ветру кустики жухлой травы, как будто внутри бегали мыши. Приливом на песок выбросило несколько палок, с которых соль и вода стерли каждый сучок, сделав совершенно гладкими. Море суетилось в небольших каналах между лавовыми шхерами, разбиваясь о камни пенными брызгами.

Невдалеке рыбаки рубили головы выловленной рыбе, чтобы подвесить ее сушиться на балки. Их разговоры и глухие удары топора разносились далеко вдоль береговой полосы. Дисе пришлось послоняться по пляжу, делая вид, будто она собирает налипшие на камни водоросли и плавник. Она уже думала, что мужчины никогда не уйдут, когда наконец Гисли позвал всех подкрепиться – значит, был уже полдень.

Диса уговаривала себя ни на что не надеяться. Создания, вышедшие из моря на сушу, редко остаются здесь надолго. Если они живые, то скоро возвращаются домой, а мертвых море забирает само. Но она надеялась, что таинственное существо ранено или спасается от подводных врагов, а потому не может вернуться в свою стихию.

Дойдя до знакомого валуна, Диса прислушалась. Плескалось море, разбиваясь о гальку, ветер завывал в скалах. Чтобы корзинку не смыло волной, девочка поставила ее на сухой камень, высоко выступающий из воды. Заткнув юбку за пояс, она вытащила несколько кусков копченого мяса и распихала их по карманам. Был прилив, и островки, на которых Диса стояла вчера, ушли под воду, а ближайшие выступы на валуне были скользкими и влажными. Карабкаясь наверх, она сломала несколько ногтей под корень и расцарапала колени. Одолеть небольшую с виду высоту оказалось сложнее, чем она думала, поэтому, забравшись на самый верх, Диса рухнула животом на камень и отдышалась. Несколько кусков мяса выпали из кармана и булькнули в воду.

За валуном скрывалась маленькая неглубокая бухта. Сквозь мутную воду проглядывали черные булыжники, в узкие канальца между ними набилась пена. Сперва Дисе показалось, что здесь нет ничего особенного, кроме огромной горы высохших ракушек. Она уже собиралась слезать, как внезапно заметила, что гора шевелится. Затем с одной стороны показалась голова на длинной шее, не похожая ни на одного известного Дисе зверя. Пасть у него была огромна и усеяна мелкими острыми зубами, челюсти мощны и подвижны. Широкие ноздри напоминали две вырытые мышами норки, а по маленьким темным глазкам

невозможно было сказать, куда смотрит чудище. Четыре коротких сильных ноги заканчивались круглыми ступнями, а тело по размеру напоминало откормленного бычка. Но больше всего Дису удивило, что все его туловище зверя, от головы до длинного, увенчанного шишкой хвоста, покрывал панцирь из ракушек и мелкого морского мусора: рыбьих хвостов, отрезков сетей и рыболовных снастей, обтрепанных веревок, щепок и водорослей... Казалось, все это росло прямо из кожи или налипало на нее тысячелетиями, как моллюски на китовье брюхо. Когда зверь делал шаг, все эти ракушки шуршали и бряцали друг о друга, точно галька в мешке. Даже с возвышенности до Дисы доносился смрад, напоминающий протухшую рыбу или прогорклую питьевую воду.

Существо заметило девочку не сразу. Вообще не похоже было, чтобы оно быстро соображало, но Диса напомнила себе, что первое впечатление может быть обманчивым. Длинной шеи почти хватило, чтобы достать до того места, где она лежала, так что Диса поднялась на ноги и отступила на несколько шагов, стараясь не сверзиться с валуна. Глаза у чудища были странные – скорее как у рыбы, чем как у лошади или собаки. В этом взгляде не было любопытства, только пустая водянистая невозмутимость. Живущим на суше никогда не понять тех, кто обитает на морском дне. Человек легко читает по собачьим глазам, когда пес радуется и грустит, когда ему больно или хочется ласки. Должно быть, так же русалки безошибочно определяют настроение китов и тюленей...

Диса не шелохнулась, давая чудищу обнюхать воздух рядом с собой и гордясь своей выдержкой. Будь на ее месте Кристин, визг уже разносился бы по всему побережью, а Бьёрн немедля схватился бы за нож или топор. Но Диса не любила поспешных решений. Она сделала маленький шагок к зверю, извлекла из кармана кусочек мяса размером с мизинец и кинула ему прямо в пасть. Мясо ударилось о покрытую ракушками морду и отскочило, упав в воду. Тварь несколько раз моргнула, обмозговывая произошедшее, а потом наклонилась и, отыскав среди камней лакомство, с хлюпаньем втянула его в себя. Как медленно ни соображало чудище, источник копченого мяса оно определило быстро, и голова на длинной шее вновь потянулась к Дисе.

Девочка скормила ему все мясо, что принесла с собой, каждый раз стараясь бросать лакомство одним и тем же движением, чтобы оно сделалось для хищника предсказуемым. Последний кусок тот поймал на лету, вовремя открыв пасть. Диса показала чудищу ладони, как бы говоря: «Все, кончилось». Вряд ли он ее понял. Стоило ей повернуться спиной, чтобы найти надежное место, куда поставить ногу, как зубы твари клацнули у самой ее щиколотки.

Диса была быстрее чудища. Резко развернувшись, она так двинула ему кулаком по чувствительным ноздрям, что ответный рев, должно быть, был слышен даже в поселке. Ее рука расколола несколько ракушек, и их мелкие края оцарапали ребро ладони. Хищник еще осоловело тряс головой, а Диса уже открыла рот и издала страшный рык. Рычала она в самую пасть зверю – туда же, куда недавно кидала сочные мясные куски. По ее разумению, чудище должно было понять: как эти руки дают ему еду, так же они без всякого сожаления раздробят каждую ракушку на его теле. Сама девочка была уверена, что ей это удастся. Не было на свете создания, которое бы внушало ей страх. Не родился еще зверь, который мог тяпнуть ее безнаказанно.

Уходила с пляжа она довольная собой.

* * *

У входа в дом Дису перехватил Бьёрн.

– Не ходи туда.

– Почему?

Едва задав этот вопрос, она уже знала ответ на него. Родители снова ругались. Все хорошее настроение, которое осталось после знакомства с чудищем, испарилось бесследно. Слова из-за закрытой двери угадывались плохо, но, судя по младенческим крикам, причина ссоры не изменилась. Диса подумала, что скорее бы уже с ребенком что-нибудь стряслось: пусть или умрет, или излечится от своей крикливости.

Брат с сестрой отошли за угол, чтобы не соблазняться подслушиванием. Бьёрн в шутку попенял ей за небогатый улов. Диса собиралась рассказать ему о странной встрече, но тут как раз из дома вышел отец и тяжелыми шагами направился к стойлам. Мать с ребенком на руках замерла в дверях. Лицо у нее было заплаканное, глаза блестели возбужденно и зло. Видно было, что плакала она не от обиды или раскаяния, а от чувства собственной беспомощности и глухой ярости, которую не могла выплеснуть на мужа. Пабби молча оседлал свою лошадь, рывком водрузился в седло и, громко чмокнув губами, ускакал на запад.

Как вскоре оказалось, никто, кроме Бьёрна, не знал, куда он направляется. Только когда все расселись с мисками по своим кроватям, брат поделился с матушкой, что отец давно собирался в Эйрарбакки. На вопрос, почему он не рассказал об этом раньше, парень только развел руками: «Я думал, ты знаешь». Но Диса насквозь видела в нем едва сдерживаемую гордость человека, которому доверили секрет. Наверняка углядела ее и матушка, просто не стала поднимать шум, но по поджатым губам и напряженному лбу легко угадывалось ее недовольство.

Без отца работалось вяло, и Дисе пришлось прикрикнуть на Кристин: мол, если та не будет как следует вязать и чесать шерсть, то на Рождество явится громадный кот и сожрет ее, даже косточки не оставит. Темные ночи и монотонная работа вообще располагают к страшным историям. Воспользовавшись отсутствием пастора, Диса в красках живописала, как к ним в дом явится великанша Грила о пятнадцати хвостах. В каждом хвосте у нее по мешку, в каждом мешке – по двадцать детей. А какое любимое лакомство у нее и ее кровожадных сыночков? Правильно, тушеные человеческие детеныши!

Однако в ту минуту, когда Диса начала смаковать подробности приготовления нежного детского мяса, матушка ее прервала: «Хватит!». Уж больно аппетитно у нее выходило. Зато Кристин было такими историями не пронять.

– Грила к нам не забредет, – заявила она, сосредоточенно вывязывая пятку чулка. – Она же в горах живет, а ближайшая гора где? Верно, Ингоульфсфьядль, а это дальше Сельфосса будет.

– Ну и что, – невозмутимо пожала плечами Диса. Ее успехи в вязании были хуже сестриных, потому что она вдобавок трудилась рассказчицей. – Не так уж далеко, между прочим. Лошадь за день легко доскачет!

Между сестрами завязалась перебранка, но скоро обе раззевались, и мать отправила их спать. Ночью Арни снова развопился, но плач его был уже не таким надрывным и болезненным, да и прервался до того резко, словно мать шмякнула его головой о стену. Однако когда Диса выглянула из-за плеча Кристин, то увидела стоящего посреди бадстовы Гисли с младенцем на руках. Ладони у него были такими громадными, что крошечная детская головка в них смотрелась не крупнее высушенной репы. Гисли приседал и покачивался из стороны в сторону, как моряк на корабле, словно его все еще не отпустила морская волна. Зрелище рыбака, укачивающего младенца у них в бадстове, неожиданно успокаивало.

Гисли поймал взгляд Дисы, безошибочно отгадав, откуда на него пялятся, и улыбнулся ей сквозь бороду. Уложив младенца себе на руку так, чтобы головка оказалась на сгибе локтя, второй он показал ей жестом: ложись спать.

Если кто и мог усмирить морское чудище, подумала Диса, укладываясь, так это Гисли.

Ну и она сама, конечно.

* * *

С отъездом отца в доме стало спокойнее. Нет, Арни не перестал изводить всех своими воплями, но теперь Гисли приходил каждый вечер, чтобы понанчить его и дать матери отдохнуть. Вид мужчины, который охотно тетешкает ребенка, да еще такого противного, приводил Дису в замешательство. Когда родилась Кристин, пабби стал проявлять к ней ласку, только когда ей исполнилось два года. Матушка говорила, что так же было и со старшими детьми. Пабби утверждал, что нечего привязываться к ребенку первое время: а ну как Господь решит прибрать его к себе? Но Гисли детей любил. Как-то Диса спросила, почему у него нет своих. «Бедным дети не положены», – ответил тот и больше ничего объяснять не стал.

Бьёрн почти все время проводил на пастбищах, следя, как проходят случки у овец. Недавно они с отцом решили увеличить отару и купили пару крепких баранов. Теперь брат хотел убедиться, что животные исправно выполняют то, ради чего их приобрели. Нужно было отделить слишком старых ярок и чересчур молодых, чтобы бараны не покрыли непригодных к ягнению. «Матка должна быть здоровой, крепкой и готовой к случке. Как женщина», – говорил Бьёрн, когда мать не могла услышать, и тут же начинал смеяться громким неприятным смехом. Диса тоже хохотала. Смысла шутки она не понимала, но ей нравилось подхватывать смех брата и усиливать его.

Каждый день, спрятав в корзину несколько кусков баранины и костей, Диса мчалась к морю. К ее удивлению, мать теперь не только не останавливала ее, но даже не отчитывала, если дочь возвращалась после темноты. Все чаще девочка видела на ее лице мечтательную, отсутствующую улыбку. Вот и славно, думала она. Когда Хельга так смотрит, ей нет дела, чем Диса занята.

Чудище между тем три дня не показывалось. Следы его присутствия девочка все же замечала: на первый день на мелководье плавали перья, будто кто-то сожрал там чайку, а на второй все пространство было усеяно мелкими осколками раковин. У зверя могла случиться линька, или же его кто-то хорошенько потрепал. Диса заставляла себя не отчаиваться – снова и снова она появлялась в одно и то же время на валуне.

На четвертый день ее ожидание было вознаграждено. Ближе к сумеркам из воды в нескольких футах от берега вынырнула голова, затем показался покрытый ракушками горб. Диса поудобнее уселась на валуне, подобрав под себя ноги, и замерла. Чудище выбралось на отмель, медленно переступая своими короткими лапами. Оно бестолково потыкалось носом между камнями в надежде там что-нибудь найти, пока наконец не заметило девочку. Взмах рукой – и кусочек мяса отправляется в пасть. Диса старалась давать лакомство маленькими порциями, чтобы растянуть его на подольше. После их первой встречи она усвоила урок и теперь держала при себе длинную толстую палку, которую нашла на берегу. Стоило чудищу сделать рывок в ее сторону, как Диса тут же охаживала палкой чувствительный нос.

Наверняка было больно, но мяса хотелось больше, поэтому на следующий день зверь снова выходил из моря. И на следующий тоже. Новую науку он осваивал медленно. Когда мясо заканчивалось, чудище несколько дней подряд пыталось вгрызться девочке в ногу, и один раз ему почти удалось – к счастью, зубы сомкнулись на пятке ботинка, не задев плоть. Тогда Диса била его с таким остервенением, что слюна из пасти чудища брызгала во все стороны, а ракушки у него на голове превратились в белую крошку. Когда зверь все-таки разомкнул челюсти, оказалось, что ботинок продырявлен насквозь, а кожа на руках в тех местах, куда попала слюна, покраснела и чешется. Так Диса поняла, что и слюна, и, вероятно, кровь зверя ядовиты. Ботинок она зашила, а чудище сделало выводы и больше не пыталось отхватить ей ногу или втянуть в воду. Но Диса понимала, что так оно ведет себя не от глубокой привязанности, а от страха перед палкой. Стоит ей на мгновение потерять бдительность, и у хищника будет гораздо больше мяса, чем он рассчитывал.

Вскоре чудище уже сидело на мелководье, в нетерпении ожидая лакомства, достать которое с каждым разом Дисе было все сложнее. Работницы заметили, что часть съестного пропадает, и косились друг на друга. Кладовку начали стеречь – если хозяйка узнает, что кто-то подворовывает запасы, вышвырнет из усадьбы без всякой жалости. А кому хочется оказаться на улице зимой? Впрочем,

Диса выяснила, что чудище ничего не имеет и против сушеной рыбы. Вероятно, за ней-то оно и выбиралось на берег, вот только подойти ближе к балкам, на которых сушилась треска, не рисковало – по берегу частенько сновали люди.

Неделю спустя Диса решила, что пришло время подпустить зверя ближе. Она чувствовала, что тот окончательно привык к ее присутствию и, даже когда у нее в руках не было палки, не пытался цапнуть. На сей раз Диса предложила ему кусок сушеной рыбы в одной руке и одновременно протянула вторую ладонью вниз. Чудище ждало, что девочка бросит угощение, как она обычно делала, но, убедившись, что в этот раз она задумала что-то другое, осторожно вытянуло шею и сжало зубы на рыбине. В этот самый момент Диса медленно опустила руку на выпуклую голову и несколько раз провела ладонью по налипшим на кожу ракушкам.

Зверь затих. Удивились оба: хищник – тому, что кто-то прикасается к его голове, а девочка – гладкости ракушек на макушке. Разбитые раковины не то срослись, не то окончательно отпали и прилипли новые. Ей не удалось найти ни кусочка живой шкуры – все было покрыто ракушками и морским мусором. Вблизи было видно, какие у чудища складчатые тяжелые веки, облепленные рыбой чешуей и водорослями. В мгновение, когда оно подняло на Дису взгляд, ее пронзило чувство невероятного восторга. В свои одиннадцать лет она уже умела объезжать норовистых лошадей не хуже (а по секрету, даже лучше) отца и брата.

Восхищение собственной ловкостью переполняло ее. Ум Дисы был устроен очень просто: она радовалась, когда добивалась желаемого, и злилась, когда победа ускользала. В глазах чудовища девочка разглядела и нечто знакомое: любопытство. Быть может, думала Диса, шагая к усадьбе, оно сейчас тоже рассказывает своим подводным собратям, что приручило человека.

* * *

Хотя отец любил говорить, что без него дома все развалится, за неделю его отсутствия почти ничего не изменилось: сломанное тут же чинилось, а порванное – штопалось, еда готовилась как раньше, одежда вязалась, а коровы доились. Дела шли споро. Бьёрн остался доволен новыми баранами и с восторгом рассказывал матушке, что в середине месяца яйцеклада[4 - Другое название месяца – скрепла (skrepla). Второй летний месяц, длится с середины

мая до середины июня.] суягные ярки разродятся крепкими ягнятами.

В усадьбе жило много народу. Гостей отец недолюбливал, поэтому, когда он бывал дома, матушка проводила время только с работницами и детьми. Теперь же к ней часто стали заглядывать женщины из соседних хуторов. Даже старуха, которая последние десять лет жила на иждивении прихода, любила посидеть на солнышке и посплетничать с Хельгой. Она же первая заметила, что кожа Арни слишком бледная, а сам он мельче, чем были его брат и сестры в том же возрасте. Коровье молоко и сливки сделали его спокойнее, но ненамного – по ночам он иногда все так же заходился криком, не давая всему дому спать.

Единственными, кто портил Дисе настроение, были преподобный Свейнн и его толстозадая жена. Стоило им заявиться в усадьбу вечером, все веселье будто вылетало из нее вместе с дымом. Никто не рассказывал страшных историй, не пел старых песен, не смеялся громко во весь голос. Все вели себя благочестиво: читали молитвы и исполняли гимны, а пастор распространял вокруг себя зловонную скуку. Он никогда не занимал свои толстые пальцы никакой работой, зато ел за троих и поучал матушку, как следует вести хозяйство.

Только его дочь Сольвейг совершенно не походила на родителей – вот уж кто действительно смахивал на подменыша аульвов. Могли бы, думала Диса, выбрать ей человеческую семью получше... О чем заговорить с темноглазой гостьей, девочка по-прежнему не знала, поэтому просто бросала на ту любопытные взгляды и представляла, как однажды покажет Сольвейг свое ручное чудище.

Как-то раз Диса спросила Хельгу, можно ли просто не пускать пастора и его жену в дом. Та нахмурилась и ничего не ответила, даже не нашла в себе силы отчитать дочь. Мысли Хельги явно были где-то далеко. Несмотря на капризы Арни, когда отца не было дома, она словно расцвела.

...За неделю до Рождества «ракушечник» окончательно привык к прикосновениям Дисы и уже не пытался откусить ей руку или утащить в море. Вероятно, он выходил из воды из-за какой-то болезни. За те несколько недель, что девочка его подкармливала, зверь окреп, стал быстрее и ловчее шагать по мелководью. Диса заметила, что ракушки на его теле заблестели, как отполированные, а часть щепок и сухих водорослей отвалились. К девочке он выходил уже по привычке, а не ради насыщения, потому что явно вернулся к охоте. Как-то раз чудище вынырнуло из воды, неся в пасти здоровенную рыбину.

Выбравшись на берег, оно с наслаждением заглогло ее, еще бьющуюся, целиком.

В тот день Десе наконец удалось урвать несколько минут наедине с Гисли. Она застала его на берегу сразу после дневной еды. Зима побаловала их редким солнечным днем с безоблачным небом и спокойным морем. Мужчина конопатил щели в своем суденышке. Перевернутая лодка прятала от ветра разведенный прямо на снегу костер, над которым в котелке булькала смола. Белый с тяжелым запахом дым поднимался плотным облаком и улетап в сторону воды.

Гисли обрадовался появлению девочки, вручил ей палку и велел мешать смоле, чтобы не застыла на холоде. Свежий черный слой блестел на солнце, и Дису так и тянуло дотронуться до липкого днища, оставив на нем след от ладони. Гисли никогда не заговаривал с ней первым, давая ей самой возможность начать. Девочка помешала смоле, а рыбак несколько раз мазнул кистью по тем местам, где оставались щели.

– Гисли, ты знаешь всех чудищ, что живут под водой? – спросила наконец Деса.

Мужчина нахмурился.

– Всех, не всех, но кое-что видал или слышал. Море большое, откуда мне знать, сколько там созданий... А почему ты спросила?

– Я слышала, что в Эйрарбакки видели чудище. Недалеко от Эйри и Скумсстадира.

– Давно дело было, – пожал плечами Гисли. – Ты про то, что с головой не то собаки, не то зайца?

– Нет, про другое, – Тоурдис так мотнула головой, что косички выбились из-под шапки и хлестнули ее по щекам. – Говорят, оно выходит на берег на четырех ногах. У него хвост с большой шишкой, а шкура покрыта ракушками.

– Ракушками?

Уже по тому, как Гисли это переспросил, было понятно: он догадывается, о чем речь.

– Если так, то скорее всего это скельяскримсли.

– «Ракушечник»?

– Ну да, а чего мудрить, – кивнул Гисли. – Так люди его и называют. Я сам его не встречал, но мой брат – тот да. Рыбаки то и дело замечали похожую тварь на островах. От него лучше держаться подальше, скажу я тебе.

Гисли поделился с Дисой всем, что знал о скельяскримсли. Хотя знал он немного, кое-что новенькое ей все-таки удалось выяснить: например, подтвердилась догадка о том, что слюна и кровь у зверюги ядовиты. Чудища идут на свет, а если встретить их ночью, то из раскрытой пасти можно заметить слабый огонек. Узнать об их приближении можно по пощелкиванию ракушек и жуткому смраду, который хуже, чем гниющая акула. Гисли не задался вопросом, почему маленькая девочка вдруг спросила о морском чудовище: все дети хотят знать, рядом с какими тварями живут.

Девочка несколько раз повторила про себя все, что рассказал ей Гисли, чтобы не забыть ни одной мелочи, а затем расспросила рыбаков – вдруг кто-нибудь из них встречался со скельяскримсли. Никто в такой встрече не признался, зато один парень заявил, что покрыт он вовсе не ракушками, как может показаться, а плотной чешуей, подобно рыбам. Если верить слухам, появление этих тварей предвещает шторм.

– Что ты все таскаешься и таскаешься к морю? – как-то раз спросила Кристин, когда они набирали воду из источника для ужина и мытья. Дорога до дома была совсем короткой, но девочки как могли оттягивали возвращение к работе. Диса помнила, что прошлой зимой Кристин могла поднять только половинку ведра, а в этом у нее легко хватало сил нести сразу два. Варезки сестра не любила, так что кожа кистей покраснела и съежилась от холодной воды.

– Я нашла чудище, – поделилась Диса. – Оно вышло ко мне из воды, и теперь я его госпожа. Могу приказать ему что угодно. Если захочу, оно натаскает мне столько рыбы, что можно будет кормиться до кукушечьего месяца[5 - Первый месяц лета, он же называется «харпа». Длится с середины апреля по май.].

Она хотела добавить, что по ее указке чудище пойдет и сожрет преподобного Свейнна так, что даже косточки не останется, но что-то ее остановило. Кристин хотела ответить – должно быть, собиралась посмеяться над сестрой, – но Диса остановила ее резким движением руки. Рядом кто-то был: за ближайшим домом хрустнул снег.

Заглянув за угол, девочки нашли лишь чьи-то глубокие следы. Раздраженная тем, что их подслушали, Диса не стала отвечать на расспросы Кристин, а когда та принялась насмеяться, с такой силой дернула ее за волосы, что сестра выронила ведро. Младшая в долгу не осталась, и домой они вернулись красные, злые и мокрые.

* * *

Дисе недолго пришлось гадать, кто подслушал ее возле источника. Она нутром чуяла, что сделать это мог лишь недруг. Батраки только похихикали бы над детским бахвальством, Гисли и Бьёрн потребовали бы закончить историю, а матушка не стала бы слушать, о чем болтают дети, – можно подумать, у нее других забот нет!

Поэтому, когда после ужина явился преподобный Свейнн, Диса почти не удивилась. До Рождества оставалась всего неделя, и работать приходилось вдвое быстрее. При виде пастора мать поджала губы. Если бы она могла говорить открыто, то сказала бы: «Идите к себе домой, преподобный Свейнн, мы тут заняты делом, не до ваших молитв», но Диса уже не раз убеждалась, что люди, став взрослыми, лишаются своего голоса. Когда именно это происходило, она не знала: может, сразу после конфирмации или после замужества, рождения первенца или иной вехи, о которой Диса еще не знала. Но рано или поздно такое происходило со всеми, и она надеялась лишь, что ей самой удастся перепрыгнуть этот момент.

Диса старалась сделать вид, что полностью погружена в работу, когда мышиные глазки уставились на нее. Пастор сделал пару шагов и остановился перед ней, а затем сцепил толстые пальцы и спросил заунывным голосом:

– Знаешь ли ты, Хельга Тейтсдоттир, что мне сегодня удалось услышать?

Матушка тихо вздохнула:

– Не знаю, преподобный Свейнн. Мои дочери что-то болтали?

– «Болтали»? Я бы так не сказал. – Говорил пастор до того медленно, что Дисе захотелось пнуть его по коленке, чтобы поторопить. – Сегодня после обеда я отправился к источнику, чтобы набрать воды, и своими ушами слышал, как твоя дочь Тоурдис хвастается, будто бы приручила морское чудище!

Лицо Дисы вспыхнуло. Она перестала притворяться, что занята работой, и, отложив вязание, подняла глаза. Взгляды их встретились. Хотя девочка точно знала, как сильно ненавидит ее преподобный Свейнн, его лицо она прочесть не могла. Если смотреть снизу вверх, пастор со своими обвислыми щеками, жидкой бороденкой и черными провалами ноздрей сам напоминал чудовище.

Хельга, явно не зная, что ответить, тоже подошла к дочери и растерянно переводила взгляд с нее на пастора.

– Преподобный, да мало ли какую чушь девчонка может молоть! Неужто мы будем обращать внимание на детскую болтовню?

Пастор зыркнул на нее грозно:

– Откуда тебе знать, что в ее словах нет правды?

Этот вопрос поставил Хельгу в тупик. Не может же преподобный Свейнн говорить всерьез! Разве он верит словам одиннадцатилетней девчонки?

– Ты знаешь, в какое опасное время мы живем, Хельга! Дьявол рыщет повсюду. В моем приходе нет места богохульству и лжи! Сегодня твоя дочь во весь голос заявляет, что она приручила чудище из моря, а завтра наведет порчу на соседей?

– Не во весь голос! – крикнула Диса, сжав кулаки. – Я говорила Кристин, а вы подслушивали!

Ее трясло от ярости и несправедливости. Она злилась не столько на священника, сколько на бесхребетную мать, которая не защищала ее. Может, дело вовсе не в том, что та не могла слова поперек сказать мерзкому пастору, а в том, что никогда не сделает этого ради Дисы? Будь тут Бьёрн или Гисли, они бы точно встали на ее сторону, не позволили бы какому-то вонючему жирдюю возводить на нее напраслину. Как будто услышав мысли дочери, Хельга рявкнула:

– Заткнись, Диса! Немедленно извинись перед преподобным!

– Мне не за что извиняться! Он подслушивал!

Когда пастор наклонился и лицо его приблизилось к ее лицу, девочке пришлось обхватить руками колени, чтобы не позволить себе вонзить ногти в эти дряблые щеки. Ненависть к пастору жгла ей внутренности, а его немигающий взгляд так и подмывал плюнуть в надежде, что слюна ее окажется не менее ядовитой, чем у скельяскримсли. Когда он зашипел ей в лицо, слов Диса почти не разобрала, так шумела кровь у нее в ушах.

– Что ты знаешь, Тоурдис Маркусдоттир, о грехах, которые приведут тебя на костер? Нравится позорить семью и распускать язык? А гореть живьем тебе понравится?

«Это ты будешь гореть», – собиралась сказать Диса, но ей помешали.

– Что тут происходит? – спросил Бьёрн. Он только что вернулся из загона и принес с собой запах мокрой шерсти и снега. На его шапке поблескивали в свете ламп снежинки, быстро превращаясь в капли. У ног крутился мохнатый пес, вывалив язык и насторожившись от тона хозяина.

– Я ухожу, Хельга. – Пастор выпрямился, и Диса услышала, как хребет его при этом движении хрустнул. – Если ты не высечешь эту девку за все, что она натворила, я не хочу больше видеть тебя в церкви, слышишь? Приход сможет жить без тебя. Сможешь ли ты без него?

С этими словами он покинул их дом.

Бьёрн долго смотрел ему вслед, пока мать сиплым голосом не велела закрыть дверь. Стоило ему это сделать, как Хельга рывком схватила Дису за шкурку и выволокла из бадстовы. Она злилась, и ей требовалось немедленно выплеснуть эту злость хоть на кого-то. Дисе было знакомо подобное чувство слепой беспомощной ярости, такой сильной, что, если ты не позволишь ей вырваться наружу, придется что-нибудь сделать с самой собой.

Девочка не упиралась, когда Хельга отодвинула занавеску соседней пустой комнаты и швырнула ее туда с такой неожиданной силой, что Дису едва не разбила нос о стену. В этой комнате обычно ночевали батрачки, но накануне Рождества прислуга работала до поздней ночи, так что девушки все еще трудились. На кровати были комом свалены шерстяное одеяло и чья-то теплая одежда. Лунный свет слабо пробивался сквозь окно, затянутое овечьей кожей. Бьёрн не последовал за ними, оставив мать самой разбираться с дочерью.

Внутри Дисы все клокотало и пузырилось. То же происходило с ее матерью: никогда прежде девочка не видела Хельгу Маркусдоттир такой злой.

– Что ты творишь! Почему от тебя всегда одни неприятности? Сколько можно забивать голову сестре своими выдумками?

Диса не успела отскочить, когда Хельга схватила ее за волосы и больно дернула, а потом влепила пощечину, такую звонкую и горячую, что голова девочки дернулась в сторону. Хельга собиралась ударить второй раз, когда Диса крикнула ей прямо в лицо:

– Я убью тебя!

Рука Хельги, занесенная для второй пощечины, дрогнула. Диса чувствовала материну неуверенность и страх. Ей было всего одиннадцать, но она точно знала, что никогда никому не позволит себя бить.

– Я дождусь, пока ты уснешь, и задушу Арни! Запомни мои слова! Я всех твоих детей переблю, если ты ударишь меня еще раз!

Она смотрела Хельге прямо в лицо, как глядела в морду скельяскримсли – без страха, без единого сомнения в том, что действительно на это способна. Левая щека и краешек губ слабо горели. Мать и дочь стояли друг напротив друга,

растрепанные, тяжело дышащие, со сверкающими глазами и глухой клопочущей яростью внутри. Мгновение – и Хельга отступила. Диса расслабила плечи. Если бы пришлось, она бы дралась с матерью. Возможно, не победила бы, но приложила бы все силы, чтобы не дать себя наказать. Будь наказание справедливым, она бы еще смирилась, как смирялась уже не раз, но сейчас твердо решила, что не будет платить за материнскую мягкотелость.

– Дрянь, – резко выдохнула Хельга и, развернувшись, ушла.

* * *

После ссоры девочка долго сидела в комнате батрачек и прислушивалась к тому, что происходит в бадстове. С детьми Хельга почти не разговаривала, но, судя по сопению и возне, семья вернулась к работе. Бьёрн выспрашивал у матушки, что произошло, но, получив в ответ только грозный рык, отправился сам искать Дису. Девочке тоже не хотелось пересказывать брату подробности ссоры, поэтому она взбила одеяло и забралась в него так, что со стороны в темноте и не заметно, что там лежит человек. Бьёрн несколько раз окликнул ее, но, не дождавшись ответа, вернулся к матушке.

Девочка дрожала от злости и страха. Каждый ребенок испытывает нечто похожее, поссорившись с родителями. Отстояв себя в одной битве, он начинает готовиться к следующей. Диса не знала, отступит ли мать окончательно или придумает другую каверзу: будет терзать ее голодом, велит батрачкам придержать дочь, чтобы выпороть, или запрет в доме, не дав ни глотка свежего воздуха. Родителям нужно, чтобы дети покорялись, пока живут с ними бок о бок. Как только сопротивление становится слишком сильным, значит, ребенка пора отпускать.

В комнатке Диса пролежала до самого возвращения батрачек, стараясь не шевелиться. Девушки удивились, застав в своей постели хозяйскую дочь, но та молча выскользнула из-под теплого одеяла и скрылась за дверью. В бадстове уже было темно, и все лежали в своих кроватях. Из угла, где спал Бьёрн, доносился его храп, удивительно мощный для такого паренька. Казалось, отец, уезжая, оставил свой храп сыну как напоминание о том, кто тут хозяин усадьбы. Матушка отвернулась лицом к стене. Диса слышала ее прерывистое дыхание. Кристин распласталась по всей кровати, так что пришлось растолкать ее, чтобы устроиться на краешке. Сестра спала до того крепко, что даже не поняла, что

Диса вернулась, лишь сонно натянула себе на нос одеяло и скукожилась.

Спала Диса недолго – вскоре она проснулась, услышав чьи-то шаги. В темноте мелькала матушкина фигура. Хельга торопливо набросила на плечи теплый плащ и, всунув ноги в ботинки, скрылась за дверью, аккуратно придерживав ее, чтобы не хлопнула. Сперва Диса подумала, что мать отправляется заглаживать свою вину перед преподобным Свейнном. Стоило представить, как Хельга униженно просит простить ее глупую дочь, как обещает пастору принести ему лучшие куски мяса от рождественских угощений, девочке стало дурно. Ну уж нет! Невзирая ни на какие ссоры у них в семье, ее мать не будет опускаться до такого!

Диса так и не разделась перед сном, так что ей оставалось только накинуть плащ и отыскать обувь. В темноте она никак не могла нашарить, куда скинула ботинки, так что влезла в первые попавшиеся. Судя по тому, как они сдавили ногу, это были сапожки Кристин.

Девочка выскользнула в метель. Снежные хлопья кружились вокруг коньков крыш, ветер гнал тучи, что заслоняли луну. Бурно шумело море. Следы на снегу можно было бы различить днем, но ночью сделать это было невозможно. Двор просматривался плохо. Диса уже собиралась вернуться в дом, как заметила слабый теплый огонек посреди метели. Дома арендаторов и рыбаков стояли так плотно друг к другу, что трудно было отличить один от другого, но она точно знала, в чьем окне сейчас горит свет. Девочка проводила в этом доме столько времени, что знала каждый его уголок. Гисли учил ее делать снасти и предсказывать шторм, ориентироваться по звездам и ловить рыбу без приманки. От него она узнала, как схорониться в снегу и выжить в лютый холод, если заблудился, хотя у них на юге не бывает настолько холодно. Гисли научил ее ничего не бояться. Сейчас же она почему-то испугалась этого зажженного окна и ночной тишины.

Но тем увереннее она двинулась навстречу тайне. Чем ближе подходила, тем лучше просматривались материны следы на снегу. В отличие от их собственного дома, жилище Гисли было пыльным и тесным. На подземном этаже жили овцы, так что в бадстове всегда пахло навозом, а снизу доносилось блеяние. Диса осторожно приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

После ночной темноты даже слабо освещенная очагом бадстова просматривалась как на ладони. Хельга нашлась там. Гисли тоже. Оба были

голыми. Со смесью страха и удивления Диса наблюдала, как прогибается тонкая матушкина фигура и смотрят вверх крупные плоские соски. Узловатые руки Гисли лежали на шее женщины, словно мужчина хотел задушить ее, но не решался. Он был обращен лицом к очагу, так что Диса могла видеть только широкую спину, поросшую светлыми волосами. Зато лицо матери могла рассмотреть во всех подробностях: брови сдвинуты, как от боли, рот плотно сжат, лоб и щеки покрывают капельки пота...

Диса закрыла дверь. Отчего-то она была уверена, что теперь можно не осторожничать: Хельга и Гисли так увлечены своим делом, что вряд ли заметят наблюдателя. Девочка вернулась в дом и улеглась в кровать, не чувствуя своего тела. О том, что нужно снять ботинки, она вспомнила, лишь когда испугалась, что ноги опухнут. Потом ей стало жарко. Кожа стала такой тонкой, что шерсть одеяла раздражала невероятно. Одну руку Диса сунула в рот, остервенело отгрызая себе один за другим отросшие ногти. За этим занятием она и уснула.

* * *

Есть вещи, которые сложно держать в себе, особенно когда ты одиннадцатилетняя девочка. Наутро мать занималась Арни и делала вид, что никакой ссоры не было. Лицо у нее посвежелело, а в глазах появился задорный блеск. В этот день Диса не сумела отправиться к морю. Со дня на день должны были явиться торговцы, поэтому времени, чтобы доделать одежду, оставалось совсем мало.

Голова у Дисы была тяжелой. Она выполняла работу бездумно, стараясь избавиться от воспоминаний о том, чему стала свидетельницей. Дети рано учатся понимать, что происходит между взрослыми по ночам: когда делишь одну бадстову, нужно быть слепым или недоумком, чтобы однажды не сообразить, что к чему. Сначала пабби карабкается на матушку, кряхтит на ней. Иногда после этого спустя девять месяцев на свет появляется новый ребенок, иногда нет. Что бывает, когда на матушку залезает кто-то другой, не ее муж, оставалось загадкой. Сколько бы Диса ни внушала себе, что это ее не касается, странное чувство пустоты и безысходности не покидало ее.

Она не собиралась никому ничего говорить. Даже матушка не должна была знать, что родная дочь подкараулила ее ночью. Но какой бы храброй ни была Диса, она по-прежнему оставалась маленькой девочкой, которую мучила

невозможность поделиться секретом. Поэтому, застав Бьёрна во дворе за обработкой рыбьих шкур, она не смогла пройти мимо.

Брат был в приподнятом настроении и насвистывал себе под нос, будто и не вспоминая о вчерашней склоке. Его вообще не очень заботили женские дела. Иногда Дисе казалось, что, хотя Бьёрн живет с ними под одной крышей, он не знает ничего, что происходит внутри женского круга.

– Ты чего такая смурная, сестренка? Рождество скоро!

Дисе хотелось бы промолчать, притвориться веселой. Вместо этого она неожиданно для себя разрыдалась. Бьёрн растерялся. Кристин могла всплакнуть, если ударится или слишком устанет, но Дису не ныла никогда. Он отложил шкуры и неуклюже протянул сестре руки, давая обнять себя, уткнуться в кофту, пропахшую овцами и рыбой. Девочка простояла так, пока шерсть под ее носом не стала мокрой, потом отняла лицо от его плеча и выложила всю правду. По мере того, как Диса облегчала душу, лицо Бьёрна мрачнело. На лоб его набежала тень: недоверие сменялось злостью.

– Ты уверена? – несколько раз переспросил он.

Диса не догадывалась, как брату самому хотелось убежать от этого нового знания. Бьёрн осваивал взрослое ремесло с усердием и недурной хваткой, но некоторые вещи оставались для него неприкосновенными. Брак родителей относился к их числу. В их поселке не случалось разводов последние десять лет, а об изменах, если те случались, старались не говорить вслух. Снова и снова Бьёрн пытался заставить Дису взять свои слова назад, передумать, усомниться в увиденном. Но она не могла облегчить его ношу. Теперь и он стал частью этого постыдного секрета.

Оба разошлись как чужие. Общая тайна не сплотила брата с сестрой, а словно разделила. Диса чувствовала исходящую от Бьёрна обиду – не на мать, а на нее, за то, что не сумела удержать язык за зубами и вывалила на него правду, к которой он не был готов. Никто из них не знал, что делать.

А к обеду вернулся отец. Он был весел и привел в поводу нового коня в подарок Дисе. Невысокую мохнатую лошадку цвета свежесушеного сена девочка назвала Вереском и пообещала пабби, что будет любить и заботиться о ней. Ей

не хотелось смотреть, как матушка приветствует пабби, поэтому она увела нового питомца в загон, задала ему корм и отчистила выпачканные дорожной грязью бока и бабки.

За время поездки отец окончательно отошел от своего мрачного настроения. Когда, поддавшись любопытству, Диса выглянула из загона, то увидела, как нежно он обнимает матушку и целует Кристин. С крыльца своего дома за семейным воссоединением наблюдал Гисли. Лицо у него было совсем пустое.

За ужином пабби спросил Дису, наклонившись к ее уху, почему Бьёрн такой хмурый. Та только пожала плечами. Рядом с отцом ей было спокойно и сонно. Она предпочла бы, чтобы он больше не уезжал и они с матушкой не ругались. Ночью до нее донесся разговор родителей:

- Хельга, ты совсем не соскучилась?

- Соскучилась. Просто столько дел перед Рождеством, Маркус, я на ногах не держусь.

- А тебе и не надо держаться...

Затем последовала возня и тяжелое отцовское дыхание. Диса отвернулась к стене и накрыла голову подушкой.

* * *

За два дня до Рождества случилось нечто тревожное. Бьёрн ни на шаг не отходил от отца: они чинили вместе полозья, ткали вадмель и кормили овец. В тот день они как раз ушли выбирать овцематку, которую предстояло зарезать к Рождеству, а Диса побежала на свое место на берегу, где обычно встречалась со скельяскримсли. Но его там не было, как не нашлось и остатков трапезы: чаячьих перьев или рыбьих голов, которые чудище почему-то всегда бросало нетронутыми.

Все утро Диса провела на берегу, но зверя так и не дождалась. Зато на отмель вынесло здоровенный ствол дерева с торчащими во все стороны ветками. Девочка понеслась домой, чтобы сообщить о находке пабби, и встретила того в

конюшне. Он ничего не делал, просто стоял перед стойлом Вереска, обхватив себя руками и глядя прямо перед собой. Лицо у него покраснело, и когда Диса подошла ближе, то почувствовала исходящий от отца запах браги. То ли она подошла так тихо, то ли Маркус был настолько погружен в свои мысли, что не заметил дочери. В ответ на оклик он вздрогнул и выругался.

– Я нашла бревно на берегу, – сообщила она. – Это же наш берег, так что и бревно наше.

Маркус смотрел на дочь не мигая, потом переспросил, в чем дело. Мозг его, когда он был пьян, размягчался. Диса терпеливо повторила все то же самое, но лицо пабби так и осталось безучастным и скучным.

– Нравится тебе лошадка? – наконец спросил он.

– Да.

– Это хорошо.

Оба помолчали, удивленные возникшей между ними неловкостью. Потом пабби перевел взгляд на Дису и смотрел очень долго, как будто за время отсутствия отвык от ее лица. Протянул руку и большим мягким пальцем поковырял щеку.

– Тут грязь...

– Это родинка.

– О как! Всегда была?

– Вроде всегда.

Откуда ей знать, всегда ли с ней была эта родинка? Она видела свое отражение только в ведре воды и не то, чтобы много разглядела. Даже не знала, красивая она или нет. Вот Кристин, та часто спрашивала у матушки: «А я красивая?» Хотя полагалось отвечать, что красота женщины в благочестии, матушка всегда говорила: «Да». Диса же не назвала бы сестру красивой. Уродиной та, впрочем, тоже не была, но мамино «да» все равно было враньем.

– Ну как, выбрали овцематку? – спросила Диса.

– Барана выбрали, – ответил отец и усмехнулся, но больше ничего не сказал.

* * *

Все равно забили почему-то овцу. Накануне рождественской ночи матушка вымела каждый уголок в доме, чтобы не осталось ни соринки. Арни, все еще слабенький и вялый, все-таки перестал кричать и наконец стал наедаться. Хельга увидела в этом добрый знак. Торговцы уехали с одеждой, которую вся семья взяла весь рождественский пост, а из оставшегося каждому досталось по обновке. Диса получила новые ботинки из рыбьей кожи и приятную телу кофту, так хорошо связанную, что в ней было уютно, как в одеяле.

– «Дети должны получить кусочек хлеба на Рождество», – напевала мама, метя пол, и ласково подмигивала Тоурдис.

Девочка уже знала, что их семья гораздо богаче остальных в деревне, поэтому по праздникам у них всегда бывал хлеб из ячменя, а на кухне в большом котле булькал наваристый мясной суп. Ароматный дым взлетал под крышу и утекал в узкий дымоход. Арендаторы и батраки будут довольствоваться куропаткой, а хозяевам достанется парная баранина. Старая кухарка ловко заплетала тесто в причудливые косы, обваливала их в миске с жиром и отправляла на раскаленный камень.

Когда Диса была маленькая, она любила готовить листовенный хлеб: тесто следовало раскатывать так тонко, чтобы сквозь него можно было рассмотреть огонек в очаге. Но это у девочки никогда не получалось: либо лепешка была чересчур толстой, либо рвалась. Взглянув на Дису из-под надвинутого на лоб платка, кухарка внезапно что-то вспомнила, обтерла руки о фартук и придвинула к девочке корзину.

– Вот, это надо снести пастору. Матушка твоя велела.

Диса упрямо спрятала руки за спину. Ничего она нести не собиралась! После того случая преподобный Свейнн ни разу не приходил к ним в дом, но, когда она

спросила об этом у матушки, та неохотно ответила, что он занят подготовкой рождественской службы. Хранит ли он в душе обиду на тот случай, Дисе было неизвестно.

– Давай-давай, – поторопила кухарка, подталкивая к ней корзину. – Да его поди дома нет, там только Тоура. Ее-то ты не боишься? Нехорошо перед таким праздником со священником в ссоре быть!

Когда Диса набросила плащ и вышла за дверь, матушка даже не поинтересовалась, куда она направляется, как не осведомился об этом и Бьёрн, которого она встретила на туне. Преподобный Свейнн и его жена жили недалеко от церкви, чьи окна смотрели на море. День был ветреным, но снег почти растаял, так что ноги не скользили, а хлюпали. Обнажились черные прогалины, которые ночью будут выглядеть как бездонные колодцы.

Дом пастора был скромнее, чем их собственный, но нижнего этажа со скотиной в нем, конечно, не было. Как и предупреждала кухарка, дверь Дисе открыла Тоура с косами, заплетенными в кольца. Эта тучная женщина с неопределенным выражением лица говорила высоким девичьим голосом, что пугало только сильнее.

– О, Диса, проходи, проходи... Как хорошо, что ты пришла!

Внутри дом был чисто выметен. В углу, как и у них в бадстове, стоял вертикальный ткацкий станок с наполовину сотканной вадмелью. Из кухни тянуло едой. Жена пастора взяла у Дисы из рук корзинку и заглянула в нее. Диса уже знала, что там лежит: добрый кусок копченой баранины и теплые чулки.

– У меня для тебя тоже есть подарок, – проворковала Тоура, доставая что-то из сундука. – Мне не по душе, что вы повздорили с преподобным Свейнном. Приход должен жить одной жизнью, верно?

Она протянула девочке аккуратно связанные варежки с узором на ладонях. Диса скомканно поблагодарила женщину, но осталась в замешательстве. Подарки ей обычно дарили либо родственники, либо Гисли, и никогда – чужие люди. Тоура распрямилась и отряхнула платье, как будто успела запачкаться, пока сидела на корточках. Для такой крупной женщины двигалась она поразительно ловко и плавно. Ее мягкая ладонь легла Дисе на щеку, и девочка решила, что

выворачиваться будет невежливо.

– Хочу, чтобы ты помирилась с преподобным Свейнном, милая, – мягко сказала женщина, и было в ее голосе что-то обволакивающее. – Он ведь неплохой человек, заботится о приходе... Осерчал на тебя, потому что испугался: если ты кому-нибудь еще сболтнешь о том, что видела, в деревню явятся законники. Разве нам это надо?

Ответа Тоура не ждала, а лишь мягко подтолкнула Дису в спину и шепнула на ухо: «Есть вещи, которые должна знать только ты». Тухлой рыбой от нее не пахло. У этой женщины словно вообще не было запаха.

* * *

Диса думала заглянуть к своему чудищу, но уже вечерело. Ярко светились окна церкви, ожидающей прихожан на полуночную службу. Этой ночью никто не будет спать – все задремлют уже под утро, пьяные и сытые, в надежде на то, что зима пощадит поселок, море будет спокойным, а овцы тучными. В самые скучные месяцы в году праздник служил крестьянам редким проблеском света в устрашающей зимней темноте.

В их собственном доме тоже было светло как днем. Хельга расставила по углам лампы и свечи, чтобы тьма не нашла себе дорогу. Этому обычаю ее научила мать, и Хельга никогда не отступала от него. Диса часто думала, что, когда вырастет и обзаведется семьей, точно так же будет освещать дом в праздник, а потом ночами сторожить сон домочадцев, чтобы ни один огонек в бадстове не погас. В этой таинственной вере было что-то пленяющее.

С тех пор, как Дисе исполнилось четыре года, в канун Рождества матушка брала ее за руку и выводила на улицу так, чтобы никто не обратил на них внимания. Женщина и девочка трижды обходили дом, приговаривая хором: «Кто хочет – придите, кто хочет – останьтесь, а кто хочет – уйдите, мне и моим без вреда». В этом обычае рождалось их единение, столь редкое в иные дни. Матушка никогда не брала в эти походы младшую дочь, а всегда только Тоурдис. Девочка каждый раз с надеждой ждала, что кто-нибудь действительно явится и уведет ее за собой в чудесное место, откуда можно будет не возвращаться в скучный рыбацкий поселок.

В домах арендаторов тоже светились окна, и лишь у Гисли было темно. Мамина рука, холодная и сухая, крепко сжимала пальцы Дисы. Земля у них под ногами была мягкая и паркая, как весной. Когда они вернулись в дом, вся семья уже расселась по кроватям и сундукам: отец с Бьёрном курили в углу рядом с ткацким станком, и плотный табачный дым быстро наполнял комнату, пряча мужчин в облачке тумана. Кристин болтала ногами в новых башмаках.

Как и полагалось, матушка заранее разделила еду на порции, и теперь каждому досталось по миске наваристого мясного супа с теплой ячменной лепешкой. Лепешку Деса макала в бульон, совала в рот и держала там до тех пор, пока та совсем не размякнет. От горячей еды, огня ламп и свечей, а еще от отцовской трубки в бадстове стало жарко и душно. Десе хотелось, чтобы кто-нибудь приоткрыл дверь и впустил внутрь немного свежего воздуха. Пабби завел какую-то длинную сбивчивую песню, и девочка поняла, что он пьян – и Бьёрн, нестройно вторящий ему, тоже. Они спели еще две песни, одна хуже другой, а затем отец громко потребовал еще браги, и матушка постаралась его урезонить.

– Маркус, нам еще на полуночную мессу идти, придержи коней. – Голос ее звучал ласково, но твердо.

– Тебе-то что, Хельга! Не будет жена запрещать мне пить!

– В церкви все будут пьяными, матушка, – поддакнул Бьёрн. – Накачаются еще до полуночи, а потом продолжат после службы.

Представив, как пастор Свейнн отплясывает викиваки, Деса засмеялась.

– Будет тебе, Хельга, – смягчился Маркус, протягивая руки к кувшину. – Бьёрн прав. На мессе все уже хмельные будут. Дай облегчить сердце.

Деса радовалась, когда они наконец двинулись в путь. Ночь была безветренной. Только на Рождество можно было увидеть столько народу вместе. Настроение у всех было радостным и спокойным. Подвыпившие люди громко переговаривались и смеялись.

В поселке любили рождественскую мессу. Это был тот редкий момент чистого и незамутненного счастья, который объединял всех. Церковь была ярко освещена, и пастор Свейнн как-то терялся в этом свете, словно таял. Среди множества

людей он уже не казался внушительным. Голос у него был хриплый и простуженный.

Пабби оказался прав: многие мужчины уже пошатывались, как матросы на корабле. Семья Дисы заняла первый ряд деревянных скамеек перед алтарем, а в нескольких рядах позади стоял Гисли. Лицо у него было серым и хмурым, как будто он состарился на десять лет за те несколько дней, что девочка его не видела.

Во время нестройного пения гимнов в голове Дисы шумело море. Как там ее чудище? Кристин попыталась откинуться на спинку скамейки и задремать, так что Дисе пришлось устроить голову сестры у себя на коленях и прикрыть плащом ее тощие ноги. Служба тянулась и тянулась. Диса и сама впала в сонное оцепенение, погрузившись в свои мысли. Она слышала сиплое дыхание Тоуры слева от себя, но не могла разглядеть женщину из-за фигуры пабби. Только Сольвейг один раз обернулась и посмотрела Дисе прямо в глаза, словно чего-то ждала от нее.

Диса думала о скельяскримсли и его покрытом мелкими раковинами теле. Почему он так долго не появлялся? Быть может, зверь залечил те раны, которые толкали его на мелководье, и теперь вернулся к жизни на морском дне? Девочка спрятала в кармане юбки несколько жирных кусочков баранины, выловленных из мясного супа. Теперь они остыли, а ткань над ними стала противно мокрой.

Когда месса закончилась, Диса с трудом растолкала сестру и первая выскочила за дверь. Она знала, что матушка будет ругаться, но у нее сейчас хватало забот: пьяные отец и Бьёрн, маленький Арни на руках и сонная Кристин. Тоурдис различила, как ругается пабби, выронив свою глиняную трубку и рассыпав весь табак по дощатому полу церкви. Прихожане стали споро сдвигать лавки к стенам, чтобы освободить место для танцев. Одни раскладывали еду, другие расставляли кувшины с домашним пивом и брагой...

Диса проскользнула между людьми, как маленькая рыбка. Снаружи было свежо и тихо, а еще так темно, что она не могла рассмотреть даже свои вытянутые руки. Ни кусочка луны небо не подарило ей в эту ночь. К счастью, дорогу до нужного места она сумела бы найти и с завязанными глазами.

Как Диса и ожидала, никто не обратил внимания на ее побег. Рокот морских волн вел ее вперед. Возле воды стало резко холоднее, так что Диса плотнее завернулась в свою шаль. Глаза, разнеженные от яркого церковного освещения, неохотно приспосабливались к безлунному миру. Девочка осторожно шла вдоль берега, стараясь не споткнуться. Еще не хватало растянуться на холодных камнях и порвать платье! По звуку она угадала, что пришла к нужному месту: успела хорошо запомнить бульканье и шорох, с которыми вода баловалась в бухточке. Можно было найти путь по звездам, как учил ее Гисли, но под ноги сейчас смотреть было безопаснее, чем бродить, задрвав голову.

Из-за валуна не слышалось пощелкивания ракушек и не доносилась вонь чудовища, пахло только солью и водорослями. Привычным движением подоткнув юбку, Тоудис вскарабкалась на камень. Сделать это оказалось труднее, чем при свете, но пальцы помнили каждую выбоину. Она не рассчитывала встретить по другую сторону своего зверя. Ей просто хотелось оказаться поближе к звездам. Зимой у тебя не так много возможностей остаться одной: день короткий, а вечер загоняет всех в одну бадстову.

Диса сидела и слушала море, мечтая о том, как однажды к берегу причалит пиратский корабль и она прокрадется на него тайком, чтобы уплыть как можно дальше от поселка. Ей не хотелось оставаться здесь, чтобы вырасти и выйти замуж, как все прочие девушки. Кристин в свои девять лет мечтала о замужестве, но Дисе семейная жизнь казалась ужасной. Когда у тебя на груди висит ребенок, а еще несколько носятся вокруг, и нужно следить за хозяйством, времени ни на что по-настоящему интересное уже не остается.

Она просидела на камне до тех пор, пока колени не онемели, и уже готовилась спуститься, как вдруг услышала грубый мужской голос. По воде звуки разносятся иначе, чем по суше, так что вначале Дисе показалось, что говоривший стоит от нее буквально в нескольких шагах. Из-за того, что мужчина был пьян, слова звучали неразборчиво – ясно только, что он с кем-то ругался и временами срывался на крик, похожий на утробный рык тюленя. Только когда собеседник ответил ему: «Маркус, иди домой, ты набрался», Диса поняла, кто перед ней.

Она знала, что даже если мужчины посмотрят в ее сторону, им не удастся различить в темноте ее силуэт, но все равно легла на живот и вжалась в камень. Собственное дыхание казалось очень громким. Изо всех сил напрягая глаза, Диса вглядывалась в две темные фигуры шагах в десяти: одна грузная и

высокая, другая – ниже и коренастее. Отец стоял по щиколотку в ледяной воде, но был так пьян и зол, что не замечал этого. Гисли замер в локте от того места, где заканчивалась волна, оставляя на песке белый след. Диса легко могла представить пабби в гневе: наверняка кожа его покраснела, а вены на шее вздулись, как у быка.

– Ты не будешь говорить мне, куда идти! – крикнул Маркус. – Ты всегда был паршивым человеком, Гисли Пьетурссон, гнилой ты сукин сын!

Гисли молчал. Выражение его лица Диса не могла себе представить.

– Мало тебе было трахать моих овец, так ты решил залезть под юбку моей жене?!

– Маркус, следи за языком! – Голос у Гисли был ниже, чем у отца, как будто выныривал откуда-то из живота.

В ответ отец расхохотался, так сильно отклонившись назад, что Диса испугалась, как бы он не упал в воду. Он действительно сделал несколько неуклюжих шагов, наклонился и заметил, что стоит в воде уже по колени.

– Тебе надо было лучше следить за своим хреном! Что дальше, Гисли? Ты будешь делать мне детей, а я – выставлять себя на посмешище всему поселку? Или нам с Хельгой развестись, чтобы ты мог на ней жениться?

На последний вопрос Гисли ничего не ответил, хотя Дисе больше всего хотелось услышать, что он скажет. Она не знала, что матушка может просто уйти от отца. Останется ли она после этого дома? Вряд ли. Хотя какая-то земля у нее есть, они с Гисли могли бы уехать туда...

Лежать на камне было холодно и колко, руки так замерзли, что не получалось согнуть пальцы. Из рта вырывались белые облачка пара. Девочке хотелось очутиться дома, в тепле, свернуться под одеялом рядом с Кристин и воображать себя капитаном пиратского корабля. Но вместо этого она вынуждена была торчать на берегу, кутаясь в шаль и натянув шапку почти до шеи.

Дисе казалось, что взрослые отравляют ее море своей руганью, изливают в воду так много желчи, что назавтра киты выбросятся на сушу и треска повсплывает брюхом кверху. Она зажала уши, чтобы не слышать воплей, но голоса мужчин легко проникали через пальцы. Диса закрыла глаза, но снова распахнула их, когда услышала грозный крик:

– Хватит! А ну-ка заткнитесь оба!

Глаза Дисы уже приспособились к темноте, и она легко узнала неповоротливого толстяка в шляпе, который со всей доступной ему скоростью неся к спорщикам со стороны церкви. Оклик заставил Гисли обернуться, доверчиво подставив Маркусу бок. Отец с небывалой для его габаритов прытью оказался у врага за спиной, одной рукой схватил его за шею, словно обнимая, а второй с размаха ударил под ребра. Тоурдис не могла разглядеть, было ли что-то зажато в его кулаке, но отец никогда не выходил из дома без рыбацкого ножа...

Гисли скорее закашлялся, чем вскрикнул, и протянул руку к пастору, будто умоляя о помощи. Преподобный Свейнн крикнул от испуга, а Маркус ударил еще раз в то же самое место, и еще. Гисли обмяк в его объятиях, уцепился за его руку, а потом повалился на колени в воду.

Диса сама не поняла, кто кричит. Сперва ей казалось, что это чайка, пока она не осознала, что рот у нее открыт и визг доносится прямо оттуда. Она съехала с валуна, зацепившись юбкой, оцарапав живот и колени, и услышала звук рвущейся ткани. Ей казалось, что она разбухает изнутри, что кожа пылает. Спотыкаясь и поскользываясь на камнях, она побежала в сторону дерущихся, хотя понятия не имела, что сделает, когда добежит. Внезапно она врезалась в чье-то шаткое тело и лишь по резкому запаху бражки определила, кто это.

У паббис были чужие руки. Все вокруг было чужое, даже море пахло чем-то непривычным, вязким и тошнотворным. Пальцы Маркуса стиснули ее руку повыше локтя, в другой руке у него был зажат нож, испачканный чем-то темным. Отца так мотыляло, что он едва не падал в воду. Словно боясь, что девочку вот-вот утопят, пастор Свейнн схватил ее за другое плечо, пытаясь оттеснить здоровяка. Колени Дисы упирались в плечо Гисли, который все еще стоял на четвереньках. Он схватился за ее юбку, и Дисе показалось, что сейчас они все вместе рухнут в воду и их смоет волной в открытое море.

– Маркус, отпусти девочку, – сказал преподобный, и Диса впервые не узнала его голоса. Она попыталась высвободиться из отцовской руки, но тот был слишком тяжел для нее. Море жгло холодом ступни. Диса хотела, чтобы все это просто как-нибудь закончилось, уже не важно, как именно.

Едва она подумала об этом, как заметила свет под водой. Слабое зеленоватое сияние быстро приближалось. Еще до того, как она успела понять, что к чему, до того, как успела закричать, что-то громадное вылетело из моря, окатив ее ледяной волной. Рука, державшая ее за локоть, разжалась, и Диса рванулась на сушу, вымокшая и напуганная. В воздухе висело знакомое зловоние. С ней рядом, пыхтя и ухая, бежал пастор Свейнн.

Когда они остановились, отца нигде не было видно. Диса хотела его позвать, но голос не слушался. Пастор застыл, как изваяние, глядя на море. Шляпу он потерял. Где-то глубоко в душе, скрытое за ужасом и отчаянием, в сердце Дисы теплилось злорадство: теперь-то он убедился, что она не врет! Хотя она бы предпочла соврать. Или чтобы скельяскримсли уволок под воду пастора Свейнна, а не...

Тоурдис боялась пошевелиться. Она искала глазами пабби, уже зная, что его там нет. Но он всегда был таким сильным! В поселке смеялись, что Маркус Торвассон легко поборет даже быка, особенно если выпьет. Рядом тяжело и с хрипами дышал пастор Свейнн. Диса сделала несколько шажков по направлению к морю и не сразу заметила странное шевеление у воды. Скельяскримсли схватил пабби и, не дав тому опомниться, уволок на дно. Но раненый Гисли так и остался стоять на четвереньках, покачиваясь, как новорожденный жеребенок. Странное облегчение затопило девочку. Отчего-то подумалось, что Гисли сейчас возьмет лодку и отправится в открытое море, чтобы вырвать пабби из зубов морского чудища. Почему «ракушечник» напал на него? Уж не потому ли, что заметил, как тот держит Дису за руку? Не показалось ли прирученному чудовищу, что Маркус напал и девочку надо защитить?

Но Гисли не спешил вставать. Он завалился на бок, и Диса успела сделать несколько шагов к нему, прежде чем ее схватили за плечо – третий раз за эту дикую ночь.

– Гисли еще живой! Надо ему помочь!

Дису раздражало, что приходится объяснять очевидные вещи. Ноги невыносимо жгло до самых колен. Волна так резко ударила Гисли в бок, что тот рухнул животом на камни и не сразу вернулся на четвереньки. Голова его была низко опущена, волосы закрывали лицо, и концы плавали в воде. Казалось, еще чуть-чуть, и он нырнет в воду. На темной одежде не были заметны следы крови. Если бы Диса своими глазами не видела, как отец несколько раз ударил соперника под ребра, то решила бы, что в стельку пьяный рыбак решил показать удаль и устроить заплыв вдоль берега. Она не знала, сколько ударов ножом может выдержать человек и как долго он умирает: как овца, которой перерезали горло, или как юный Пьетур, которого сбросила лошадь и протопталась по нему копытами. Он потом еще несколько дней лежал, весь переломанный, крича от боли и умоляя что-нибудь сделать. Но он никогда не говорил «Убейте меня», потому что на самом деле не хотел умирать.

- Тоурдис...

Пастор не выпускал ее руки и сам не делал ни шага в сторону моря. Тон его был низким и чужим, в горле булькала мокрота. Диса ожидала, что он примется орать на нее за то, что побежала прямо в сторону драки. Она бы не удивилась, обвини ее преподобный Свейнн в смерти Маркуса, но священник смотрел на нее своими маленькими глазками без тени упрека.

- Ступай ко мне в дом. Тоура отогреет тебя. Ты не должна никому ничего говорить.

Ей показалось, что она ослышалась. К Тоуре? Но вот же Гисли, которого наверняка еще можно спасти - вон как он цепляется за жизнь! Она так и не поняла, какую часть из своих мыслей выкрикнула священнику прямо в лицо, но преподобный Свейнн внезапно присел на корточки и посмотрел ей в глаза. Теперь он уже не напоминал хряка, а лишь обычного пухлого мужчину с обвислыми щеками и редкими волосами.

- Гисли тяжело ранен, - медленно произнес пастор. - Он не выживет с такими ранами. Нож вошел в него по меньшей мере четыре раза, я видел это своими глазами.

Диса сглотнула. Ей захотелось отвести взгляд, но она заставила себя смотреть в лицо священнику.

– А если его вылечат? – тихо спросила она.

– Если это случится, то Гисли всем расскажет, что твой отец пытался его убить. Твою мать назовут распутницей, а ты станешь дочерью убийцы и потаскухи или того хуже...

Диса не стала спрашивать, что это за загадочное «хуже», она пока с трудом могла переварить уже услышанное. Ей хотелось вцепиться священнику в лицо ногтями, раскровить эти мягкие щеки и мясистый подбородок. Она понятия не имела, говорил ли он правду, действительно ли их семья обречена... Слезы выжгли соленые дорожки на обветренных щеках. Убедившись, что она никуда не побежит, преподобный Свейнн выпустил ее плечи.

– Он может умереть прямо сейчас – быстро и легко. А может промучиться несколько дней, валяясь в бреду в доме твоей матери, опозорив всю твою семью. Может выжить... И что потом? Тебе решать. На все воля Божья.

Одиннадцатилетние девочки не должны решать, кого бросать погибать, а кого – спасать, но Диса этого не знала. Ей хотелось кричать, что раз на все воля Божья, так пусть Он и решает! Она так замерзла, что перестала чувствовать свою кожу. Диса старалась не смотреть в сторону моря. Она надеялась, что Гисли уже мертв, и скоро волна заберет его бесчувственное тело, как корова слизывает мушку из уголка своего глаза. Впервые преподобный Свейнн заговорил с ней как с равной, и впервые ей этого совершенно не хотелось. Она чувствовала себя пособницей убийцы, кем-то, кто помогает злодею в его преступлении.

В конце концов она просто развернулась на пятках и со всех ног побежала вверх по склону. Окна церкви все еще светились, изнутри доносились нестройное пьяное пение и грохот танцующих сапог.

Рядом тихо подсвечивалось окошко в доме преподобного Свейнна. Как будто Тоура ждала ее.

* * *

В бадстове тяжело пахло мясным бульоном, и Дису замутило от этого запаха. Узкую комнату освещала только лампа с ворванью. Тоура и ее старшая дочь

Сольвейг стояли, склонившись над расстеленной на полу шкурой, но, когда громыхнула дверь, резко и хищно обернулись, словно готовые броситься на вторженца. Сольвейг была без платка, волосы распущены – оказалось, они такие длинные, что накрывают ей грудь. В этом освещении глаза девушки мерцали, как угольки в очаге. Она и Тоура, тоже простоволосая и какая-то расхристанная, выглядели как норны. На шкуре перед ними лежали овечьи внутренности, сочащиеся кровью.

– Мать божья! Диса, что с твоей юбкой? – первой пришла в себя Тоура. Она всплеснула руками, подбежала к девочке, ощупала ее окоченевшие ноги и руки.

– Сольвейг, вскипяти воды со мхом! – бросила Тоура дочери и несколькими ловкими движениями вытряхнула Дису из мокрого платья. От ее волос пахло сырой кровью. Тоурдис не издала ни писка, когда женщина сорвала с нее одежду, завернула в колючее одеяло и усадила на кровать.

Сольвейг притащила большой таз, наполненный горячей водой. Когда Тоура схватила крошечные ножки Дисы и сунула их в таз, девочка подумала, что у нее кожа сойдет со ступней. «Терпи, терпи», – приговаривала Тоура. Она заставила Дису выпить противный горький отвар, после которого девочка наконец разрыдалась. Она сама не понимала, от чего именно плачет: от того ли, что лишилась отца, или от чувства, что жизнь ее сломалась навсегда.

Произошло что-то страшное – настолько страшное, что сердце маленькой девочки не в состоянии было это вместить. Она сжимала зубы и терпела боль в ногах, давилась обжигающим отваром, от которого горло горело, но весь ужас пережитой ночи накрывал ее и топил, снова и снова. Прорыдавшись, Диса позволила себе уплыть в болезненный горячечный сон. Женщины, суетившиеся над ней, во сне казались ей двумя воронами, прилетевшими поживиться требухой.

* * *

Она плохо помнила следующие несколько дней, проведя их в лихорадке, а когда очнулась, не хотела вставать с кровати. Мать целыми днями сидела в углу бадстовы, безучастная ко всему, даже к крику Арни. Им занималась Кристин, жалуясь, что братец пахнет как больная овца и постоянно гадит.

Тел отца и Гисли так и не нашли. В поселке предположили, что мужчины вышли в открытое море – не до конца ясно, зачем, но оба были так пьяны, что причина могла быть какой угодно. Преподобный Свейнн приходил поддержать Хельгу и напомнить ей, что хозяйство теперь на ее плечах и у нее есть дети, о которых нужно заботиться. С Тоурдис он не заговаривал, так что она даже не знала, как священник и его жена объяснили ее исчезновение в рождественскую ночь.

Хельга не выглядела как человек, способный о ком-то позаботиться – даже о самой себе. Руки у нее дрожали, лицо осунулось, а косы напоминали сухие водоросли. В дом приходило много женщин, чтобы помочь матери справиться с горем. Они хлопотали по хозяйству, распорядились прислужгой, но Дису не покидало чувство, что соседки являлись за другим: за тем сладким чувством, которое возникает каждый раз, когда у кого-то из знакомых происходит несчастье, а твой дом процветает и твоя семья здорова. Смерть никогда не отходит далеко от поселка, но приятно, когда она стучится не в твою дверь.

Бьёрн ходил хмурый и растерянным. Диса старалась на него не смотреть, он на нее – тоже. Оба не обмолвились ни словом с тех пор, как она пришла в себя, и девочка даже не знала, радуется ли брат, что она выжила. Бьёрн был единственным, кому она рассказала свою тайну, и он клялся молчать. Чего он хотел добиться, раскрыв отцу глаза? Чтобы Гисли выслали подальше? Чтобы отец убил его и стал преступником? Чтобы мать наказали за измену? Диса не хотела этого знать и не собиралась начинать этот разговор. Она чувствовала только, что виновата во всем сама: нужно было держать язык за зубами.

Как-то раз к ним в дом явилась Сольвейг. Она была в новом платье и яркой кофте, волосы заплетены в две аккуратные косы и красиво уложены на голове. Девушка выглядела цветущей. Она принесла с собой запах зимы и немного соленой рыбы. Стоило ей войти, как Бьёрн тут же принялся отираться на пороге, громко обсуждая с батраками овец. Потеря отца и отстраненность матери сделали его хозяином дома, и, несмотря на горе, он пытался соответствовать своему новому статусу. Сольвейг было всего шестнадцать, и ей рано было всерьез думать о замужестве, но никто не мешал присматривать себе жениха заранее. Да и Тоура явно не возражала против того, что дочь строит глазки сыну старосты.

Тоурдис были противны кривляния Бьёрна, но оказалось, что Сольвейг пришла не для того, чтобы покрутиться перед ним. «Матушка просила тебя зайти, – бросила она девочке. – Загляни к нам, она хочет поговорить». Диса понятия не

имела, что собиралась сказать ей Тоура, и еще меньше хотела встречаться с пастором Свейнном, но дома теперь было так плохо, что она с радостью воспользовалась бы любым предложением, лишь бы убраться.

Матушка даже не спросила, куда Диса направляется. Должно быть, если бы она сказала, что собирается пойти утопиться в море следом за отцом, Хельга бы только посоветовала поплотнее укутаться в шаль, чтобы не простыть.

...Диса навестила Тоуру вечером, когда преподобного Свейнна не было дома. Женщина сидела перед очагом, вороша длинным прутом прогорающие водоросли. Диса заметила несколько крупных тлеющих поленьев – наверное, повезло найти плавник на берегу. Лицо старухи, освещенное пламенем, неожиданно показалось ей красивым, как у Сольвейг, только черты были более резкие, жесткие.

У ног Тоуры были разложены плоские камни с рисунками, сделанными углем. Заметив Дису, она сухо улыбнулась и кивком указала на место рядом с собой. Девочка подошла. Стульев в доме пастора не нашлось, а кровать стояла слишком далеко от очага, так что оставалось мяться с ноги на ногу и ждать, пока хозяйка дома не заговорит.

– Скажи-ка мне, Тоурдис, ты правда призывала ракушечника из моря?

В голосе женщины не было ни осуждения, ни страха – только любопытство, поэтому Диса ответила:

– Я не призывала его, он выходил сам.

– Но ты приближалась к нему? – с нажимом уточнила Тоура. Смотрела она по-прежнему в огонь, а не на девочку.

– Я подкармливала его, чтобы он меня узнавал.

Тоура хмыкнула. Диса ждала, что она спросит, по чьей вине погиб пабби, но старуху это не интересовало. В бадстову вошла Сольвейг, но не стала вмешиваться в разговор, а взяла метлу и принялась подметать земляной пол, что-то мурлыча себе под нос. Пасторша наконец взглянула на Дису долгим

оценивающим взглядом и хотела убрать волосы с лица девочки, но та отодвинулась.

– Бедная ты, бедная, сколько же ты натерпелась из-за этих глупцов, – вздохнула Тоура. – Знаешь, что сделали ли бы мужчины, встретить они скельяскримсли?

Диса никогда об этом не думала и к тому же не чувствовала, что от нее ждут какого-то ответа. Тоуре хотелось поговорить самой.

– Они бы подстерегли его, убили и содрали с него шкуру. Если подумать, проку в этом нет никакого: мясо и кровь зверя отравлены, а кожа не пригодна к выделке. Но мужчины до конца своих дней рассказывали бы внукам и правнукам, как победили морское чудище, вырвали ему, еще живому, все зубы, сковырнули каждую раковину с его панциря... Вот такая у них гордость.

Девочка отвела взгляд и посмотрела на разложенные на золе камни. Ей не приходило в голову, как на ее месте поступили бы Бьёрн или Гисли. Взрослые не любопытны. Едва ли они вообще заглянули бы за тот валун. На ракушечника она тоже не держала злости – он вел себя как обычный дикий зверь, напавший на того, кто слишком громко кричал в его угожьях.

– Мы, женщины, сделаны из другого теста.

Тоура подняла один из камней и вложила его в руку Дисы, с силой закрыв ее кулак. В голове девочки загудело. Камень в ладони был гладким и теплым, и от него распространялось легкое покалывание, которое текло по предплечью, перекидывалось на плечо и шею. В животе сделалось щекотно и жарко. Тоура усмехнулась уголком губ.

– Ты мне нравишься, Диса. Я могла бы научить тебя всякому. Знаешь, чтобы проще жилось. Чтобы никто не мог тебя обидеть, не говорил, что тебе делать... Возьмешь такую науку?

Девочка осторожно раскрыла ладонь и посмотрела на камешек. Рисунок, состоящий из завитков и стрелок, притягивал взгляд.

– Разве это не грех? – спросила она. – Разве Бог за такое не наказывает?

Она услышала смешок из угла бадстовы, где подметала пол Сольвейг. Тоура хмыкнула и наклонилась так низко к лицу Дисы, что та ощутила запах ее ужина.

– А мы Ему не скажем.

Глава 3. 1662 год

Рейкьянес

Эйрик сощурился на ярком солнце и пустил коня мягким шагом, следуя за Магнусом, к которому они ехали в гости. Правда, чем ближе был хутор, тем сильнее друг сдерживал лошадь. Со стороны казалось, что, будь его воля, он бы и вовсе встал как вкопанный в надежде, что дорога как-нибудь сама повернет назад.

Для обоих юношей это был особый год: епископ Бриньоульв Свейнссон рукоположил их в священники. Встреча по этому поводу в Скаульхольте была радостной – все-таки четыре года прошло с тех пор, как они виделись в последний раз, прежде чем покинуть школу и сделаться младшими пасторами. Магнус жил у дальнего родственника на севере, Эйрик же остался в Арнарбайли под крылом преподобного Йоуна Дадасона. Этот его суровый учитель сильно отличался по стилю преподавания от епископа Свейнссона. Епископ был человек книжный и радовался, что может с кем-то обсудить красоту волшебного слова и величие саг. Он хотел, чтобы Эйрик научился слагать стихи и при необходимости мог одной остроумной висой одержать победу над темными силами. Пастор же Дадасон неоднократно подчеркивал, что у Эйрика нет никаких способностей к стихосложению, на что бы там ни рассчитывал епископ. А вот к чему у его подопечного обнаружился несомненный талант, так это к общению с друзьями, призраками, бесами и прочей пакостью, противной Божьему промыслу.

За время разлуки оба друга вытянулись, Эйрик слегка раздался в плечах и отпустил длинные волосы, а Магнус еще сильнее похудел и побледнел. Все эти четыре года он старался держаться как можно дальше от собственной семьи. Но теперь по случаю рукоположения его отец созвал на праздник гостей, и отказываться от визита было уже невозможно.

Отправляясь в путь, они уже знали, что третий их приятель на торжество не приедет. Боуги, которому материальное всегда было ближе духовного, давно отказался от пути священника и сделался чиновником. Накануне он прислал письмо, в котором поздравлял друзей с рукоположением и извинялся, что не сможет присутствовать на торжестве. Однако между строк сквозила тревога. Боуги не скрывал, что дома его задержали более важные дела – быть может, вопрос жизни и смерти. Совсем недавно была поймана и отправлена под суд некая юная особа по имени Маргрета Тордарттир, более известная как Гальдра-Манга, Манга-ведунья. Девушку преследовали за колдовство. Несколько женщин обвинили ее в том, что она наслала на них проклятие. Ее отца сожгли по аналогичному обвинению шесть зим назад, а ей самой тогда удалось бежать. «Отправляюсь на тинг, чтобы не дать свершиться беззаконию и разобраться, не наводят ли на девушку напраслину завистливые кумушки», – закончил свое письмо Боуги.

Новости, содержащиеся в письме, были пугающими и странными. Сама по себе охота на ведьм ни для кого не была диковинкой: костры полыхали по всей Европе. Однако в тихой спокойной Исландии до разбирательства доходило редко, а обвинительный приговор выносили, только если жертва по-настоящему пострадала. Сжигали в основном мужчин, суд над женщиной был огромной редкостью. Вот почему друзья были так встревожены, но надеялись, что Боуги хорошо знает свое дело и сумеет защитить невинную деву. Все же без него было немного грустно.

– Очень любезно с твоей стороны, мой друг, было согласиться составить мне компанию, – с церемонной учтивостью заметил Магнус.

– Ты так говоришь, будто я согласился добровольно прыгнуть в жерло вулкана!

– Если бы мне было дозволено выбирать, я предпочел бы вулкан...

Магнус не любил своего отца – человека жестокого и скверного, с крутым нравом и всегда уверенного в собственной правоте, не щадившего ни арендаторов, ни батраков, ни единственного сына. В детстве Магнус рос без матери, которая пропала, когда ему было три года. Считалось, что она отправилась навестить родственников в Ньярдвик, но по пути на нее напали разбойники и убили, а тело бросили в море. Сам же Магнус до сих пор верил, что матушка сбежала от его отца и укрылась там, где Халльдор Стефанссон ее не достанет. Вот почему он как мог оттягивал возвращение домой.

Оба всадника ехали вдоль береговой линии, постепенно забирая все дальше на север. По пути им встречались крупные камни, и приходилось следить, чтобы лошади не оступились. Моря отсюда было не разглядеть, но друзья чувствовали его присутствие, как ощущаешь небо над головой, даже когда не смотришь вверх. Магнусу такое было не в новинку: он вырос на хуторе на морском берегу. Но Эйрик всегда жил рядом с рекой, а это совсем не то же самое. Сейчас, вблизи моря, на языке было солоно, а до слуха доносился легкий шум, напоминающий шелест леса.

Тем временем на суше цвело, оживая, подступающее лето. Тропу усеивали мелкие белые цветки горного пустоцвета. Обычно на хуторах в этот день, первый день месяца харпа[6 - Первый день лета, до 1700 года приходился примерно на четверг между 9 и 15 апреля.], юношам полагалось оказывать знаки внимания девушкам, и целый день раздавались смех и песни. Но до ближайшего селения, похоже, было неблизко – как и до ближайших девушек.

– Друг мой, если мы не станем понукать коней, то скоро совсем остановимся, – заметил Эйрик. – Если хочешь, можем заночевать прямо под открытым небом. Но мы и так совершили все возможные остановки по пути из Скаульхольта.

Магнус неожиданно натянул поводья, и его лошадь встала как вкопанная, удивленно подергивая ушами. Взгляд его замер в одной точке где-то за линией горизонта, лицо сделалось пустым и отстраненным. Так происходило всякий раз, когда ему открывалось что-то, недоступное глазу обычного человека. Эйрик терпеливо ждал, пока Магнус очнется и расскажет, что видел. Наконец юноша вздрогнул и часто заморгал, прогоняя выступившие слезы.

– Бывают происшествия, мимо которых невозможно проехать, – задумчиво сказал он. – Мы ведь теперь священники, разве не должны мы знать, чем живет наша паства? Разве не должны помогать людям в самый темный час?

– И чем живет твоя паства, мой друг?

– Впереди на дороге лежит разорванный человек.

* * *

Магнус оказался прав. Эйрика это не удивило – за те годы, что они учились вместе, Магнус ни разу не ошибался. Пусть ему не подчинялись друзья, но тайны и события будущего открывались куда охотнее, чем остальным. Эйрику часто хотелось спросить, видит ли он проходы в жилища аульвов так же легко, как двери в человеческие дома, но все как-то было недосуг, да и к слову не приходилось.

О нужном месте их оповестили вороны, кружившие над одной точкой. Молодые люди заметили птиц еще до того, как разглядели на дороге двух мужчин. При виде их Эйрик и Магнус послали коней быстрым галопом, едва не спугнув незнакомцев своим внезапным появлением.

Третий человек – точнее, верхняя его половина – лежал на земле. Тело еще только начало разлагаться, но на спине сквозь разорванную рубаху проглядывали бурые трупные пятна, а на месте разрыва, где было выкорчевано мясо, уже копошились белые мушиные личинки. Покойный явно был крепким мужчиной, но ничего больше о его внешности сказать было нельзя. Нападавший – не могло быть никаких сомнений в том, что на несчастного напали, – страшно изуродовал лицо своей жертвы: оторвал уши, выдернул несколько крупных клоков волос и раздробил нижнюю челюсть. Дорожки подсохшей крови вели от трупа в противоположные стороны. Эйрик и Магнус спешили и, не сговариваясь, разошлись, чтобы заглянуть в придорожные кусты. Обнаруженные там ноги (левая – справа, правая – слева) совсем их не удивили.

– Отвратительное зрелище, – сказал Магнус, доставая платок и вытирая пальцы, хотя не притронулся ни к чему, что могло бы их испачкать.

– Согласен, мой друг. Доброго дня, господа, – обратился Эйрик к мужчинам, стоявшим у трупа. – Мое имя – Эйрик Магнуссон, я из Арнарбайли. А это – Магнус Халльдорсон из Рейкьянеса. Мы священники. Проезжали мимо и заметили вас. Можем ли мы чем-то помочь?

Услышав об их сани, мужчины вздохнули с облегчением. Один из них, тот, что постарше, представился Оулавом, второй оказался его сыном, Натаном. Они были работниками у бонда по имени Корт Сигурдссон. Он-то и лежал теперь перед ними, разорванный на части, словно на него прямо на суше напала касатка, но по какой-то причине отказалась от трапезы.

– Я знал Корта, он часто к нам приезжал, – неожиданно сказал Магнус. – Вы ведь из Хабнира, верно?

– Да, господин, – кивнул Оулав. Он выглядел получше своего сына, чей желудок оказался не готов к таким испытаниям. Натан старался не смотреть на покойника. – Теперь и я вас узнал. Как поживает ваш отец?

– Смею надеяться, лучше, чем Корт.

Эйрик присел на корточки перед телом и прочитал короткую молитву. Несчастного еще предстояло отправить домой, привести в подобающий вид, насколько это возможно, и провести над ним отпевание, но первым делом хорошо бы разобраться, кто так потрудился над бондом из Хабнира. В Исландии не было ни единого сухопутного зверя, у которого хватило бы сил убить рослого мужчину и разорвать его тело на части.

– Тут есть разбойники? – спросил он.

– Случается, – тихо ответил Натан. – Думаете, это они?

Эйрик внимательно огляделся, а затем осторожно сдвинул ткань рукава на запястье трупа.

– Это не разбойники, – возразил Магнус.

– Ты прав, – подтвердил его друг. – Корта не разрубили, а разорвали на части. Для такого нужна пара крепких лошадей, но на запястьях и щиколотках нет следов от веревок. К тому же, будь это разбойники, чем они могли тут поживиться? Похоже, Корт путешествовал лишь с нехитрым скарбом да глиняным горшком.

Рядом с телом валялась груда черепков. Судя по их количеству, горшок был немаленьких размеров – в таких подают по праздникам суп или тушеное мясо.

– А как вы тут оказались? – поинтересовался Магнус. – Ехали следом за Кортотом?

Натан с Оулавом переглянулись. Юноша побледнел. До него внезапно дошло, что их застукали рядом с трупом хозяина на пустынной дороге. Обвинить отца и сына в убийстве было бы проще простого, и тогда им дорога только на виселицу – ни одна живая душа за них не заступится. Впрочем, Оулав мрачных опасений сына не разделял. Пасторы показались ему людьми приятными и надежными, предлагающими помощь без всякого злого умысла. А посему он рассказал все, как есть, ничего не утаивая:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В исландском языке существует специальное слово для вечернего времени, когда полагалось рассказывать сказки или истории – kv?ldvaka. Во время kv?ldvaka часто чесали овечью шерсть, поэтому и продолжительность kv?ldvaka измерялась «овчинами». В начале осени, когда дни еще длинные, kv?ldvaka длилась «одну овчину», по мере того как дни становились короче, количество овчин росло, в самые темные сезоны доходя до трех овчин. (Здесь и далее – прим. автора.)

2

И это не спасло жителей лощины, потому что пепел от погребального костра Торольва лизнула корова и родила зловредного бычка, который стал причиной многих бед.

3

Третий месяц зимы. Длится с середины декабря по середину января.

4

Другое название месяца – скрепла (skrepla). Второй летний месяц, длится с середины мая до середины июня.

5

Первый месяц лета, он же называется «харпа». Длится с середины апреля по май.

6

Первый день лета, до 1700 года приходился примерно на четверг между 9 и 15 апреля.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hart_una/kogda-zapoyut-mertvecy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)